

Клиффорд Дональд Саймак

Магистраль вечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=125257

Магистраль вечности: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22105-9

Аннотация

Человек во Вселенной – песчинка, затерянная в необъятных просторах, или полноправный гражданин, хозяин Времени и Пространства? Что ждет его в будущем, если впереди Вечность? Сумеет ли он измениться и найти общий язык с обитателями иных миров, слиться с ними в единую силу?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Клиффорд Дональд Саймак

Магистраль вечности

Глава 1 Нью-Йорк

Телеграмма настигла Буна в Сингапуре:

*«Нужен умеющий ступить за угол.
Коркоран».*

Получив телеграмму, Бун улетел первым же самолетом.

Личный шофер Коркорана ждал его у таможенного контроля в аэропорту Кеннеди. Шофер подхватил сумку Буна и подвел его к лимузину.

С утра шел дождь, но сейчас перестал. Бун откинулся поудобнее на подушки богато обитого сиденья, лениво наблюдая за жизнью, проплывающей за окном. «Как же давно, – задал он себе вопрос, – я не бывал в Манхэттене? Лет десять, если не больше...»

К тому моменту, когда они добрались до жилища Коркорана, дождь припустил снова. Шофер, не расставаясь с сумкой Буна, раскрыл над ним зонт, отомкнул лифт-экспресс своим ключом и нажал единственную кнопку – на самый верх, в пентхаус; Коркоран ждал гостя в библиотеке и, дождавшись, поднялся с кресла в углу. Ступая по толстому ковру, он пересек всю комнату с радушно протянутой рукой и с улыбкой облегчения на лице.

– Спасибо, что откликнулся, Том. Долетел хорошо?

– Сносно, – ответил Бун. – На последнем участке спал без просыпу.

– Да, помню, ты же всегда умел спать в самолете. Какие напитки ты нынче предпочитаешь?

– Шотландское виски с каплей содовой. – Бун утонул в указанном ему кресле и молчал, пока бокал не оказался у него в ладонях. Потом сделал неспешный долгий глоток и обвел комнату взглядом, оценивая обстановку. – Похоже, дела у тебя идут неплохо, Джей.

– Даже хорошо. У меня состоятельные клиенты, которые платят за то, что я для них добываю. И агенты по всему земному шару. Какой-нибудь дипломатишка чихнет где-нибудь в Боготе – я буду в курсе через несколько часов. А что ты делал в Сингапуре?

– Да ничего особенного. Просто передышка между заданиями. Нынче я могу позволить себе выбирать, за что взяться. Не то что в прежние времена, когда мы с тобой были накоротке.

– Слушай, сколько лет назад это было? – спросил Коркоран. – Я имею в виду, когда мы встретились впервые?

– Должно быть, лет пятнадцать назад, а может, и шестнадцать. Во время той заварушки на Ближнем Востоке. Ты прибыл вместе с танками.

– Точно. Только мы опоздали. Бойня уже состоялась. Кругом одни груды трупов. – Коркоран поморщился: воспоминание было не из приятных. – И вдруг, неизвестно как, ты преспокойненько появляешься среди мертвецов. На тебе еще была эта твоя куртка с бесчисленными карманами – для блокнотов, диктофона, кассет, камеры и пленок. Столько всякого барахла, что ты казался туго набитым мешком. И заявил не моргнув глазом, что всего-навсего ступил за угол.

Бун ответил кивком.

– От смерти меня отделяло полсекунды. Вот я и ступил за угол. А когда вернулся, там уже был ты. Но не проси меня ничего объяснять. Не мог объяснить тогда, не могу и сейчас. Единственно возможное объяснение – что я не вполне нормален – мне не по нутру.

– Лучше сказать, мутант. А ты пробовал это повторить?

– Сознательно – никогда. Но это случалось со мной еще дважды – в Китае и Южной Африке. Когда это происходило, все казалось мне совершенно естественным, как нечто доступное каждому. Поговорим лучше о тебе.

– Ты слышал, что со мной стряслось?

– Кое-что слышал, – ответил Бун. – Ты был шпионом ЦРУ и все такое прочее. Тебя заманили в ловушку, но ты умудрился дать о себе знать, и за тобой послали истребитель. Была дьявольски рискованная посадка, прямо как в скверном боевике. Самолет подбили, точнее – превратили в решето, и все-таки он как-то дотянул до дома...

– Все верно, – подтвердил Коркоран. – Дотянул, но сесть уже не сумел. Мне разmozжило затылок, и я был, считай, неотличим от трупa. Однако располагал настолько важными сведениями, что хирургам пришлось творить чудеса, лишь бы спасти мне жизнь. Когда мне латали голову, прибегли к каким-то небывалым, диковинным методам. И то ли перепутали у меня в мозгу проводочки, то ли закоротили. В общем, теперь я по временам вижу все иначе – вижу такое, что другие видеть не могут или не умеют. Да и думаю как-то причудливо. Вопреки всякой житейской логике связываю между собой совершенно разные фактики, клочки информации – если это дедукция, то какая-то заковыристая. Я с полной уверенностью знаю вещи, до которых не мог бы докопаться никаким логическим путем. И научился пользоваться этим не без выгоды для себя.

– Превосходно. А имеет это отношение к тому, что ты вызвал меня сюда из Сингапура?

Коркоран задумался, откинувшись в кресле и прихлебывая смесь, какую намешал для себя сам. В конце концов он кивнул утвердительно.

– Вызов имеет отношение к одному из моих клиентов. Этот тип обратился ко мне впервые лет шесть назад. Представился Эндрю Мартином. Может, и не соврал...

Мартин появился неожиданно-негаданно и без рекомендаций. Держался отчужденно и холодно, руки не подал. Отвечать на какие бы то ни было вопросы отказался наотрез. Но когда Коркоран был уже готов вежливо указать ему на дверь, он залез в нагрудный карман, вытащил конверт и бросил на стол. В конверте оказалась сотня тысячедолларовых банкнотов. «Это задаток, – сообщил Мартин. – За любую выполненную для меня работу плачу вдвое против ваших обычных расценок...»

А хотел он лишь самую малость: чтобы для него собирали слухи по всему миру. Не обычную политическую ерунду, а слухи странные, из ряда вон выходящие, казалось бы, совершенно бессмысленные. При этом он не оставил ни адреса, ни телефона для связи, а взял за обыкновение звонить ежедневно сам и сообщать, где его найти, – каждый раз в каком-нибудь новом месте.

Слухов, которые привлекали его внимание, было немного, но уж если его что-то заинтересовало, он платил щедро, обычно больше чем вдвое, и всегда тысячедолларовыми купюрами. Так продолжалось долгие годы.

Разумеется, Коркоран попытался навести о нем справки. Только выяснить удалось немного. Казалось, у Мартина нет вообще никакого прошлого и никакой определенной профессии. Правда, у него была вполне респектабельная контора с приходящей секретаршей, однако чем занимается босс, не ведала и она. Деловых отношений он вроде бы не поддерживал ни с кем.

Мартин снимал угловые апартаменты в отеле «Эверест», но жить там, по-видимому, и не думал. Когда агенту Коркорана удалось в конце концов проникнуть в комнаты, там не оказалось ни одежды, ни каких-либо признаков чьего-либо проживания. Время от времени Мартин встречался с женщиной по имени Стелла, по-своему не менее таинственной, чем ее дружок.

И вот однажды, месяца три назад, и Мартин, и Стелла внезапно исчезли, как в воду канули...

Бун резко выпрямился в кресле:

– Что-что?

– А вот то!.. По крайней мере, похоже, что исчезли. Как только мы с ним расстались в последний раз, он кому-то позвонил. Вскоре мой агент в «Эвересте» заметил, что Стелла собралась на улицу, и последовал за ней. Они с Мартином вошли в старый пакгауз в районе доков. Вошли и не вышли. И никто их больше не видел.

Бун приложился к своему виски и, выждав паузу, решил подстегнуть Коркорана:

– А что это был за последний слух, который ты ему передал?

– Слух из Лондона. Что-то вроде того, что какой-то тип буквально с ног сбивается, чтобы найти местечко под названием Гопкинс-Акр.

– Звучит как будто вполне невинно.

– Как будто так. Только одна странность. В Британии нынче нет места под таким названием. А четыре или пять столетий назад было. В графстве Шропшир¹. Я проверял. В 1615 году, пока владельцы прохлаждались где-то в Европе, поместье словно корова языком слизнула. Еще вчера стояло, а сегодня испарилось без следа. Все поместье целиком – и уголья, и сам ландшафт – вместе с теми, кто возделывал землю и прислуживал по хозяйству. Испарился и дом – там, где он был, не осталось даже ямки.

– Так не бывает, – откликнулся Бун. – Бабушкины сказки...

– Не сказки, а истина, – заявил Коркоран. – Удалось установить с полной достоверностью, что поместье действительно существовало, но испарилось.

– И только-то? – спросил Бун, качая головой. – Но я по-прежнему не понимаю, чего ради ты решил послать за мной. Я не специалист по поискам пропавших без вести и тем более по поместьям, испарившимся четыре века назад.

– Сейчас все поймешь. У меня хватало других дел, Мартин исчез, и я постарался выкинуть его из головы. Но недели две назад я узнал из газет, что «Эверест» собираются взорвать...

Коркоран вопросительно поднял брови, и Бун кивнул: он был знаком с технологией разрушения зданий, предназначенных к сносу, с помощью взрывных зарядов направленного действия. Если правильно разместить заряды вокруг здания, оно просто осядет, распадется по кирпичику, останется лишь расчистить участок экскаваторами и бульдозерами.

– Эта новость напомнила мне о Мартине, – продолжал Коркоран со вздохом. – Я подъехал к отелю, просто чтобы взглянуть на здание в последний раз. До того я полностью поручил все, что с ним связано, своим агентам, и это была моя ошибка. Ты не забыл мои слова, что я теперь вижу все иначе?

– Ты заметил что-то особенное? Что-то такое, что твои агенты прогляпили?

– Нечто, чего они никак не могли увидеть. Могу только я, и то если смотрю под строго определенным углом. Я – как бы сказать поточнее – не умею ступить за угол, но иногда я, кажется, вижу то, что за углом. Может, зрение работает в более широком спектре, а может, со сдвигом во времени. Как, по-твоему, Том, мыслимо ли, чтобы человек оказался способен ступить на миг в прошлое или в будущее, хотя бы заглянуть в этот миг?

– Понятия не имею. Никогда не задавался таким вопросом.

– Нет так нет. Понимаешь, на стене отеля, возле апартаментов Мартина, висит как бы закрытая лоджия, наподобие тех, какие лепятся к стенам жилых домов. Только нормальное зрение ее не воспринимает: лоджия как бы наполовину в этом мире, наполовину вне его. И

¹ Ныне это графство, расположенное на западе Англии и граничащее с Уэльсом, носит название Сэллоп.

раз Мартин не жил у себя в комнатах, то я уверен, что он жил в этой лоджии или, точнее, в этой коробке.

Бун поднял свой бокал и, осушив до дна, аккуратно поставил на стол.

– И ты хочешь, чтоб я ступил за угол и проник в эту коробку? – Коркоран кивнул. – Не знаю, могу ли я тебе помочь. Я никогда не пользовался этим трюком сознательно. Каждый раз это случалось тогда и только тогда, когда мне угрожала смертельная опасность. Какой-то механизм выживания, что ли. Не знаю, смогу ли я включить механизм по заказу. Можно, конечно, попробовать, но...

– Попробуй – вот и все, чего я прошу. Я исчерпал все другие возможности. Отель сегодня пуст и под охраной, но я устроил так, что нас туда пропустят. Сам я угробил там уйму времени, зондируя, выстукивая, протыкая стены и сверля их, все пытался найти дорожку в эту лоджию. Ничего не вышло. Выглянешь из окна, к какому она примыкает, – и видишь улицу, а больше ничего. А выйдешь наружу, посмотришь вверх – эта штукавина снова тут как тут.

– Джей, а что все-таки тебя заботит? – спросил Бун настойчиво. – Что ты надеешься обнаружить в так называемой лоджии?

– Сам не знаю, – покачал головой Коркоран. – Может, и вовсе ничего. Мартин стал для меня чем-то вроде навязчивой идеи. Вполне вероятно, я уже потратил больше, пробуя выяснить что-либо на его счет, чем он выплатил мне за все годы. Хуже всего, Том, что я чувствую: в эту коробку надо проникнуть любой ценой! – Он замолк, рассматривая пустой бокал. Потом вздохнул и снова поднял глаза. – Беда в том, что у нас с тобой мало времени. Сегодня пятница, и уже вечер, а отель планируют взорвать в воскресенье рано утром, когда на улицах ни души...

Бун негромко присвистнул:

– Надо же было дотянуть до последней секунды!

– Это от меня не зависело. Тебя было нелегко найти. Когда удалось наконец выяснить, что ты в Сингапуре, я послал телеграммы в каждую дыру, где ты мог бы остановиться. Теперь, если мы хотим что-нибудь предпринять, надо действовать молниеносно.

– Завтра, в субботу, – согласился Бун.

– Давай наметим завтрашний вечер. Днем там состоится шоу для прессы, посвященное последнему дню старого отеля. Телекамеры и репортеры по всему зданию. Мы приступим к делу, когда все уgomонятся. – Коркоран встал и, забрав бокалы, опять отправился к бару с роскошным выбором спиртного. – Ты, конечно, остановишься у меня?

– Во всяком случае, я на это рассчитывал.

– Прекрасно. Тогда выпьем еще по одной и, если не возражаешь, припомним прежние деньки. Потом я покажу тебе твою комнату. А коробку-лоджию выбросим из головы до завтрашнего вечера...

Глава 2

Гопкинс-Акр, 1745 год

Дэвид бродил по полям с самого полудня в сопровождении любимого сеттера, тихо наслаждаясь как одиночеством, так и упорядоченной красотой окружающего мира.

Со стерни из-под самых ног с шумом вспорхнул, взвился в небо тетерев. Ружье автоматически взлетело к плечу, щека прилипла к прикладу. Птица попала в перекрестье прицела, и он резко повел дуло влево. «Пли!» – произнес он, зная наверняка, что, если бы дослать патрон в патронник и нажать на спусковой крючок, птица бы кувыркком свалилась на землю.

Сеттер бросился было за птицей, но вернулся вприпрыжку, сел у ног Дэвида и с веселым оскалом глянул на человека, как бы спрашивая: «Ну что, развлекаемся?» Потребовалось немало времени, чтобы приучить сеттеров из поместья к новому порядку вещей. Их от века тренировали поднимать дичь, а затем разыскивать добычу и приносить хозяину. Они просто не понимали, чего от них хотят теперь. Однако через несколько поколений приспособились и уже не ждали ни хлопка выстрела, ни приказа найти подбитую птицу.

Так какого рожна, спросил он себя в тысячный раз, я таскаю с собой ружье? Просто ради того, чтоб ощущать его вес и точное прилегание приклада к плечу? Или чтобы вновь доказать себе, что ныне человек, оставивший за плечами долгую историю жестокостей и зверств, достиг наконец истинной цивилизованности? Но такой ответ – просто позерство. Он, Дэвид, не способен зарезать овцу, но ест баранину. Он по-прежнему плотояден, а любой плотоядный – убийца.

Пришлось напомнить себе, что денек выдался славный, даже если бы не довелось встретить ни одной птицы. Он постоял на холме, глядя вниз на крытые соломой хижины, где жили те, кто пашет землю и держит скот. На окрестных пастбищах паслись коровы и овцы, иногда сами по себе, иногда под присмотром подростков и собак. Встретил он сегодня и стаи хрюкающих свиней, диких, как олени, рыщущих по лесным чащобам в поисках палых желудей. Но ни к свиньям, ни к людям он близко не подходил – не дерзнул. Как ни старался, не удавалось почувствовать себя сродни простофилям, радостно ковыряющимся в земле. Другое дело – впитывать душой переменчивые краски осенних лесов, вдыхать чистый студеный воздух. Он спускался к ручьям, бегущим под сенью могучих деревьев, и пил прямо из ладоней, следя за стремительными тенями форелей.

Еще раньше он заметил Колючку, который затеял очередную нелепую игру и аккуратно прыгал туда-сюда по какой-то непонятной схеме. Дэвид довольно долго наблюдал за ним, в который раз недоумевая: что за существо этот Колючка, что у него на уме?

Наигравшись, Колючка поскакал прочь, в сторону лесной опушки, и его прыжки стали как бы свободнее и грациознее, чем во время игры, когда его связывали путы неких правил. Яркое послеполуденное солнце отражалось в его шаровидном теле, острые кончики шипов словно нанизывали солнечные лучи и рассыпали их искрами. Дэвид окликнул Колючку, хотя тот, очевидно, не расслышал и вскоре скрылся в лесу.

День выдался что надо, сказал себе Дэвид, но тени становятся длиннее, а ветерок прохладнее. Пора возвращаться домой. Сегодня на стол подадут седло барашка – так ему сказала старшая сестра Эмма, жена Хораса, и посоветовала к ужину явиться вовремя.

– Не опаздывай, – предупредила она. – Баранина, коль скоро ее приготовили, ждать не может. Баранину надо съесть, пока не простыла... И поосторожнее с этим ружьем. Ума не приложу, зачем ты вообще таскаешь его с собой. Ты же никогда ничего не приносишь. Почему бы тебе, в самом деле, не принести как-нибудь парочку фазанов или куропаток? Вот бы была вкусная еда...

– Ты же знаешь, я не могу убивать, – ответил он ей. – Никто из нас не может. Воспитание вытравило из нас способность к убийству.

Утверждение, конечно же, не вполне соответствующее истине.

– Хорас смог бы убить, – резко возразила она. – Возникни у нас нужда в пище, Хорас смог бы. А уж я бы запекла птицу и приправила...

В отношении Хораса она была права. Человек угрюмый и практичный, Хорас не остановился бы перед убийством в случае нужды, но, разумеется, не ради забавы. Хорас просто не умел делать что бы то ни было ради забавы. Какое бы дело он ни затеял, ему непременно необходимо сперва обосновать свои действия.

Что касается сестриных тревог, Дэвид их просто высмеял: «Ружье не причинит мне вреда. Сама знаешь, оно даже не заряжено».

«Но ты заряжаешь его, – не унималась она, – перед тем, как поставить обратно на место. Тимоти настаивает, чтоб оружие хранилось заряженным. Если хочешь знать мое мнение, наш братец Тимоти слегка с приветом...»

Да что там говорить, все они, в общем-то, с приветом. Он сам, и Тимоти, и, пожалуй, Хорас, и Эмма, только на свой манер. Все, кроме младшей сестренки Инид. Она одна из всех отличалась независимостью духа и склонностью к размышлениям. Нет сомнений: она проводит в размышлениях больше времени, чем все остальные, вместе взятые.

Напомнив себе, что баранина не может ждать и что ее надо съесть, пока не остыла, Дэвид решительно зашагал домой. Сеттер сообразил, что потехе и веселью на сегодня конец, и постепенно трюсил следом.

Перевалив взгорок, Дэвид сразу увидел дом посреди прямоугольной лужайки, зеленоющей на фоне бурых полей. По периметру участка, в центре которого стояло строение, высились густые деревья в великолепии осенней листвы. По ближнему краю участка бежала пыльная дорога, превратившаяся ныне просто в двойную колею из никуда в никуда. От дороги к дому вела подъездная аллея, обрамленная высокими тополями, которые год от года хирели и вот-вот, осталось недолго ждать, окончательно зачахнут и рухнут.

В сопровождении верного пса Дэвид двинулся под уклон, по рыжеватой нагоде осенних полей, и вскоре вышел на аллею. И вот он, дом – приземистое двухэтажное сооружение из необработанного камня, и каждое разделенное надвое окно горит тихим пожаром, отражая заходящее солнце.

Поднявшись по широким каменным ступеням, он, как обычно, повоевал немного с тяжелой неподатливой ручкой, прежде чем половинка двери мягко отошла на свежесмазанных петлях. Вестибюль, потом полумрак просторной гостиной, где зажжена всего-то пара свечек на столе в дальнем углу, и только потом, глубже, яркое зарево столовой, где свечей не жалели. Оттуда, из столовой, доносились приглушенные голоса, и было ясно, что вся семья уже в сборе в предвкушении вечерней трапезы.

Тем не менее он не сразу пошел в столовую, а повернул из гостиной направо, в оружейную комнату. Здесь мерцала единственная свеча на верху стойки и по комнате метались неясные тени. Подойдя к стойке вплотную, он переломил ружье, выудил из кармана своего охотничьего плаща два патрона, вставил их со щелчком в стволы и одним легким движением замкнул казенник. Поставил ружье на отведенное ему место и обернулся. Посреди оружейной стояла сестренка Инид.

– Хорошо провел день, Дэвид?

– Даже не слышал, как ты вошла, – отозвался он. – Ты двигаешься, как пушинка. Случилось что-нибудь, о чем я должен знать, прежде чем полез в клетку к льву?

Она легко покачала головой:

– Сегодня лев в отлучке. Хорас стал почти человеком или, по меньшей мере, приблизился к человекоподобию так близко, как только способен. Получено сообщение, что Гэхен прибывает к нам из Афин...

– Не жалую я этого Гэхена, – сказал Дэвид. – Он такой ученый зануда! Он меня подавляет, в его присутствии я чувствую, что ни на что не гожусь.

– Меня он тоже подавляет, – поддакнула Инид. – Не знаю, право, может, мы с тобой и вправду ни на что не годны. Но даже если так, мне лично моя ни-к-чему-непригодность нравится.

– А мне моя, – весело согласился Дэвид.

– Зато Хорас от Гэхена в восторге, и, если его приезд сделает Хораса поуживчивее, мы с тобой только выиграем. Тимоти – тот и вовсе вне себя от счастья. Гэхен сообщил Хорасу, что везет для Тимоти книгу или даже, кажется, свиток, написанный автором по имени Гекатей.

– Гек... ладно, как бы его там ни звали, я никогда о нем не слышал. Не уверен даже, он это или она.

– Это он, – заверила Инид. – Древний грек Гекатей Милетский. Пятый или шестой век². Есть мнение, что Гекатей был первым серьезным автором, попытавшимся с помощью критического анализа очистить историю от мифических напластований. Гэхен полагает, что свиток, попавший ему в руки, – неизвестная книга, считавшаяся утраченной.

– Если это правда, – подхватил Дэвид, – тогда нам с тобой Тимоти долго не видать. Запретят в библиотеке, даже еду придется туда подавать. Чтоб обсосать это сокровище, ему понадобится год, не меньше. А до той поры он полностью выйдет из повиновения.

– По-моему, его куда-то не туда занесло, – сказала Инид. – Он по уши увяз в истории, да и в философии тоже. Все надеется отыскать фундаментальные ошибки человечества и уверил себя, что их корни – в первых тысячелетиях письменной истории. Какие-то ошибки он нашел, но, право, не надо лазить по источникам, чтобы осознать их: проблема перепроизводства, погоня за прибылью, мания военных решений, просыпающаяся всякий раз, когда один человек, или племя, добивается большего достатка, чем соседи; наконец, нужда в убежище, желание спрятать свое «я» под защиту племени, нации, империи – видимо, такое назойливое желание отражает ужасную неуверенность в себе, ставшую неотъемлемым свойством человеческой психики. Можно продолжить перечисление, но Тимоти попросту обманывает себя. Он ищет чего-то более глубокого, а искомое лежит где угодно, только не в истории...

Дэвид не удержался и спросил вполне серьезно:

– Инид, у тебя есть своя догадка на этот счет? Хотя бы смутная?

– Пока еще нет. Может, и никогда не появится. Все, что я знаю, – Тимоти ищет не там, где можно что-то найти.

– Наверное, нам пора выйти к ужину, – предложил он.

– Да, пора. Нельзя заставлять других ждать нас. Эмма и так испереживалась, что ты опоздаешь. Тимоти наточил разделочный нож. А кухарка Нора – та и вовсе разнервничалась. Баранина была уже почти готова.

Он предложил сестре руку, и они пересекли гостиную, осторожно петляя среди затененной, еле различимой мебели.

– А, вот и вы! – воскликнул Хорас, едва они показались на пороге столовой. – Я уж гадал, где вы запропастились. Сами знаете, баранина ждать не может. Теперь извольте каждый взять по стаканчику портвейна. Самый лучший портвейн, какой мне доводилось пробовать за многие годы. Просто превосходный портвейн...

² Гекатей Милетский жил в V–VI вв. до н. э. Его работы дошли до нас в отрывках, главные из них – «Землеописание», труд страноведческого характера, и «Генеалогия», содержащая греческие мифы и предания.

Наполнив стаканы, Хорас обошел вокруг стола и вручил каждому его порцию лично. Это был коренастый человек, низкорослый, но крепко сбитый и, по-видимому, чрезвычайно волосатый. Шевелюра и борода Хораса поражали столь интенсивной чернотой, что она казалась переходящей в синеву.

– Кажется, ты в прекрасном настроении, – обратился к нему Дэвид.

– Точно, – ответил Хорас. – Завтра к нам пожалует Гэхен. Неужели Инид не говорила тебе об этом?

– Говорила. Он будет один или кто-нибудь составит ему компанию?

– Он не уточнял. Слышимость была неважной. Какие-то помехи. С проблемой помех никто так и не справился. Тедди со станции в плейстоцене считает, что это сказываются напряжения при настройке на разрыв во времени. Может, что-то связанное с аномалиями в пеленгации...

Дэвид отметил про себя, что Хорас не понимает в том, о чем толкует, ровнехонько ничего. Возможно, он и владеет какими-то поверхностными знаниями относительно путешествий во времени, но в теории не смыслит ни черта. Тем не менее, о чем бы ни зашла речь, Хорас мнил себя экспертом и высказывался в безапелляционной манере.

Он, наверное, разглагольствовал бы на ту же тему и дальше, но его прервала Нора, триумфально вынырнувшая из кухни с блюдом баранины. Поставив блюдо перед Тимоти, она суетливо заспешила назад к плите. Остальные поторопились занять свои места за столом, а Тимоти принялся нарезать седло барашка ломтями, орудуя ножом и вилок в своем обычном стиле, то есть священнодействуя.

Дэвид пригубил портвейн. Вино было действительно превосходным, тут Хорас оказался прав. Что ж, в бытовых мелочах, например в том, чтобы выбрать бутылку портвейна, Хорас мог оказаться прав – закон средних чисел подразумевает, что изредка прав бывает любой глупец.

Довольно долго они ели в молчании. Затем Хорас благопристойно вытер губы салфеткой, кинул ее обратно себе на колени и заявил:

– Меня порядком беспокоит наш аванпост в Нью-Йорке двадцатого века. Не доверяю я этому Мартину. Вот уже который месяц пытаюсь вызвать его на связь, а прохвост не отвечает.

– Может, он куда-нибудь временно отлучился, – предположила Эмма.

– Если он уехал, – не унимался Хорас, – то как наш доверенный обязан был известить нас. С ним там эта женщина, Стелла. В его отсутствие могла бы ответить она.

– А может, она уехала вместе с ним, – сказала Эмма.

– Не имела права. Пост нельзя оставлять без присмотра ни на минуту.

– По-моему, – вмешался Дэвид, – это не лучший для нас выход – пытаться связаться с ним во что бы то ни стало. Сеансы связи надо бы свести к минимуму просто ради предосторожности.

– В этом отрезке времени, кроме нас, нет никого, кто владеет межвременной техникой, – заявил Хорас. – Подслушивать некому.

– Я бы за это не поручился, – сказал Дэвид.

– Подслушивают нас или нет, какая разница! – воскликнула Эмма, как всегда выступая в роли робкого миротворца. – Нет никакого смысла портить ужин спорами на эту тему.

– Этот Мартин избегает общения с нами, – посетовал Хорас. – От него не дождешься никаких сообщений...

Тимоти положил нож и вилку на тарелку, намеренно звякнув сильнее обычного. И провозгласил:

– Допустим, мы не знаем этого человека и не вполне ему доверяем, и все же он, наверное, соображает, как ему поступать. Ты, Хорас, делаешь из мухи слона.

– Я встречался с ним и со Стеллой несколько лет назад, – сказал Дэвид, – когда ездил в Нью-Йорк двадцатого века за книгами для Тимоти. Помнишь, – обернулся он к самому Тимоти, – именно тогда я привез винтовку и дробовик для твоей коллекции...

– Прекрасные экземпляры, – похвалил Тимоти.

– Но я никак в толк не возьму, – резко заметила Эмма, – зачем держать их постоянно заряженными? Добро бы только эти два ружья, а то все без исключения. Заряженное ружье рано или поздно выстрелит...

– Все должно быть в полном комплекте, – объявил Тимоти. – Думаю, даже ты способна оценить принцип комплектности. Патроны – неотъемлемая часть любого оружия. Без патронов ружье – не ружье.

– Не понимаю я подобного объяснения, – высказался Хорас. – И никогда не понимал.

– Но я-то вовсе не о ружьях собирался сказать! – внес поправку Дэвид. – Извините, что вообще упомянул о них. Я только хотел рассказать вам о Мартине и Стелле. Я же оставался у них и провел с ними несколько дней...

– И как они тебе показались? – поинтересовалась Инид.

– Мартин – угрюмый тип. Крайне неприветливый. Говорил очень мало, а когда говорил, старался ничего не сказать. Да я и видел его нечасто и то мельком. У меня сложилось впечатление, что мой визит ему не по нутру.

– А Стелла?

– Тоже неприветлива, но на свой стервозный манер. Все разглядывала меня исподтишка, притворяясь при этом, что я ее ни капельки не интересую.

– Кто-нибудь из них двоих опасен? Я имею в виду – опасен для нас?

– Нет, не думаю. Просто с ними неуютно.

– Мы стали слишком самодовольными, – произнесла Эмма робким голосом. – Все у нас шло гладко столько лет, что мы поневоле впали в заблуждение, что так будет всегда. Хорас среди нас единственный, кто по-прежнему начеку. И постоянно чем-нибудь занят. Сдается мне, что и остальные, чем критиковать его, лучше бы нашли себе какое-нибудь полезное занятие.

– Тимоти занят не меньше Хораса, – возразила Инид. – Не бывает и дня, чтоб он не копался в книгах или не разбирался в том, что собрали для него другие. А кто собрал? Дэвид, выезжавший в Лондон, Париж и Нью-Йорк, не побоявшийся покинуть Гопкинс-Акр ради сбора информации...

– Что ж, дорогая, это, может, и так, – откликнулась Эмма, – а ты сама чем занята, скажи на милость?

– Милые родственники, – взял слово Тимоти, – не стоит придирааться друг к другу. Инид делает никак не меньше, чем остальные, а то и больше.

Дэвид бросил взгляд на Тимоти, восседавшего во главе стола, спокойного и красноречивого, и в который раз поразился тому, как удастся брату ладить с Эммой и ее хамоватым мужем. Сколько бы его ни провоцировали, Тимоти никогда не повышал голоса. Лицо, окаймленное жидкой седенькой бородкой, напоминало святого, а главное – он неизменно являл собой голос разума перед лицом любых бурь, налетающих на семейный корабль.

– Чем препираться, кто вкладывает больше стараний в преодоление мелких трудностей, – произнес Дэвид, – лучше бы признаться, что никто из нас не сделал ничего серьезного для решения проблемы по существу. Почему бы не сказать себе прямо и честно: мы беженцы, мы забились сюда и прячемся в надежде, что нас не найдут? Но нет, мы не хотим в этом сознаться, хоть и не смогли бы придумать ничего другого даже перед лицом собственной гибели...

– А может, кто-то из нас уже нащупывает путь к решению? – заявил Хорас. – И даже если нет, есть же и другие, кто ищет верный ответ. В Афинах, в плейстоцене...

– Вот именно, – подхватил Дэвид. – Мы, Афины, плейстоцен и Нью-Йорк, если Мартин со Стеллой все еще там. И сколько же нас наберется вместе взятых?

– Не стоит забывать, – ответил Хорас, – что нами счет не исчерпывается, должны существовать и другие группы. Три наши общины – по сути, четыре – осведомлены друг о друге. Но должны быть и другие, связанные между собой так же тесно, как наша четверка, но тем не менее не знающие ни о нас, ни о большинстве других. Это же логично! Революционеры – а мы в известном смысле революционеры – испокон веков разделялись на конспиративные ячейки, и одна ячейка знала о других не больше, чем было совершенно необходимо.

– Со своей стороны, – повторил Дэвид упрямо, – я продолжаю считать, что мы просто-напросто беженцы, улизнувшие из своей эпохи.

К этому моменту с бараниной было покончено. Нора забрала пустое блюдо, а затем вернулась и водрузила на центр стола дымящийся сливовый пудинг. Эмма не замедлила придвинуть пудинг к себе.

– Оказывается, он уже нарезан, – сообщила она. – Передавайте мне свои десертные тарелки. Для желающих найдется и подливка.

– Сегодня я, когда бродил по полям, повстречал Колючку, – сказал Дэвид. – Он, как обычно, играл в свою глупую игру-попрыгушку.

– Бедный Колючка, – высказался Тимоти. – И угораздило же его забраться сюда вместе с нами! Он же тогда просто заглянул в гости, но оказался с нами в минуту отправления. Хоть он и не член семьи, но бросить его было бы негоже. Надеюсь, ему с нами хорошо...

– По всем признакам он чувствует себя неплохо, – заметила Инид.

– Вряд ли мы выясним, хорошо ему или нет, – объявил Хорас. – Ему же не дано говорить с нами.

– Он понимает больше, чем мы подозреваем, – сказал Дэвид. – Не надо заблуждаться, воображая, что он глуп.

– Колючка – инопланетянин, – констатировал Тимоти. – Жил в соседнем семействе на правах домашнего любимца – нет, это не вполне точно, но состоял с ними в каких-то отношениях. В те дни многие земляне вступали в отношения с пришельцами, и характер таких отношений было не всегда легко понять. По крайней мере, для меня они так и остались загадкой.

– С Генри все было иначе, – заметила Инид. – Он из нашей собственной семьи. Может, родство и дальнее, но он все равно из наших. И отправился с нами, в сущности, добровольно.

– Подчас я испытываю за него тревогу, – заявил Тимоти. – Не слишком-то часто он показывается нам на глаза.

– Занят, – пояснил Дэвид. – Развлекается. Бродит по стране за пределами поместья, наводя ужас на простых селян, да и на помещиков – эти тоже невежественны, как крестьяне, и верят в призраков. Зато нам он приносит уйму местной информации. Благодаря ему, и только благодаря ему, мы довольно широко осведомлены о том, что творится за пределами Гопкинс-Акра.

– Но Генри вовсе не призрак! – воскликнула Эмма так, словно объявила официальный протест. – Не следовало бы толковать о нем в подобном тоне...

– Разумеется, он не призрак, – согласился с сестрой Дэвид, – но достаточно похож на призрака, чтоб одурачить любого, кто не знает, в чем дело.

Прервав с общего согласия разговор, они приступили к пудингу, который оказался вязок, но исключительно вкусен. И вдруг прозвучала мысль – не голос, а мысль, но настолько сильная и ясная, что ее восприняли все за столом:

«Я слышал, вы тут говорили обо мне...»

– Генри! – взвизгнула Эмма, а остальные сконфузились.

– Конечно, он, кто же еще, – отозвался Хорас, хотя почему-то охрип. – Обожают пугать нас в самую неподходящую минуту. То удерет на много дней, а то объявится рядышком и заорет в самое ухо...

– Соберись в одно целое, Генри, – распорядился Тимоти, – и садись спокойно на стул. Неприятно говорить с собеседником, который невидим.

Генри собрался, или почти собрался, в целое так, чтоб его можно было хотя бы смутно видеть, и уселся в торце стола, прямо напротив Тимоти. Он был созданием дымчатым, в целом похожим на человека, но слепленным как бы очень небрежно. И даже то, что он собрал воедино, не желало твердо держаться вместе, а колыхалось взад-вперед – спинка стула, видная сквозь разреженное тело, словно подрагивала в такт этим колыханиям.

«Вы с восторгом поглощаете безобразно тяжелую пищу, – заявил Генри. – Все тяжелое. Тяжелая баранина. Тяжелый пудинг. Именно пристрастие к тяжелой пище делает вас столь неповоротливыми, как вы есть».

– Разве я неповоротливый? – не согласился Тимоти. – Я такой тощий и легкий, что того и гляди пошатнусь на ветру...

«Да не бываешь ты на ветру, – отпарировал Генри. – Ты же из дому не выходишь. Сколько лет минуло с тех пор, как ты ощущал обыкновенное солнечное тепло?»

– Зато тебя почти никогда нет дома, – поспешил Хорас на помощь Тимоти. – Уж тебе солнечного тепла и света достается больше, чем положено...

«Я жив солнечным светом, – ответил Генри. – Всем вам это, разумеется, известно. Именно энергия, которую я черпаю от солнца, поддерживает мое существование. Но дело не только в солнце, важно и многое другое. Сладкий аромат диких роз, пение птиц, дыхание открытых пространств, шелест или завывание ветра, гигантская вогнутая чаша неба, непоколебимое величие лесов...»

– Впечатляющий список, – сухо отозвался Дэвид.

«Твой в той же мере, что и мой».

– Отчасти, – согласился Дэвид. – Я, по крайней мере, понимаю, о чем ты говоришь.

– Ты не встречал Колючку? – поинтересовался Хорас.

«Бывает, он попадается мне на пути. Он, как и вы, ограничен куполом, окружающим Гопкинс-Акр. Я единственный, кто способен пройти сквозь купол без помощи времялета. Вот я и странствую в свое удовольствие».

– Странствуй на здоровье, раз тебе это нравится, – сказал Хорас. – Но прошу тебя больше не докучать туземцам. Они принимают тебя за призрака. Ты держишь всех окрестных поселян в постоянном волнении.

«А они не против, – заявил Генри. – Их жизнь уныла и скучна. Испугаться чего-либо для них почти удовольствие. Забьются в угол у печки и рассказывают друг другу сказки. Если бы не я, и рассказывать было бы не о чем. Но сегодня я прибыл отнюдь не ради этого».

– Зачем же ты прибыл?

«Появились любопытствующие насчет купола, – ответил Генри. – Они не знают, что это такое, они не уверены в точном его местоположении, но они ощущают наличие купола, и им любопытно. Рыскают вокруг и вынюхивают».

– Тогда это, безусловно, не туземцы. Туземцам ощутить купол просто не дано. Он стоит здесь почти полтора столетия, и...

«Это не туземцы. Это некто другой или нечто другое. Некто или нечто извне».

В комнате воцарилась глубокая, мертвая тишина. Все сидели, будто приклеенные к стульям, и лишь обменивались взглядами. Древние страхи выбрались из мрачных закоулков поместья и расположились здесь, в самой освещенной комнате.

Наконец Хорас шевельнулся, прочистил горло и произнес:

– Значит, свершилось. По-моему, каждый из нас знал с самого начала, что рано или поздно это произойдет. Честно говоря, этого стоило ожидать – нас выследили.

Глава 3

Нью-Йорк

В воздухе было разлито некое искажение. Возникало ощущение аберрации, какой-то привычный фактор был не на своем месте, и это однозначно свидетельствовало, что поблизости угол. Но поймать это странное ощущение за хвост не удавалось, дотянуться до угла не представлялось возможным.

Коркоран знай себе бродил вдоль внешней стены апартаментов с фонариком, держа его в двух-трех дюймах от стены и сам подавшись вперед в тщетных попытках уловить хоть какую-нибудь неровность, какой-нибудь намек на разрыв в кладке. Наконец он остановился и, выключив фонарик, повернулся к Буну лицом. Свет, проникающий с улицы, не давал комнате погрузиться во тьму и все-таки был слишком слабым, чтобы прочитать выражение лица Коркорана.

– Безнадежно, – произнес тот. – Ни черта нет. И все равно я уверен, что там за окнами к стене прилепилась какая-то конструкция. Ошибаться я не могу. Я видел ее своими глазами.

– Я верю тебе, Джей, – отозвался Бун. – Тут присутствует явное пространственное искажение, я его чувствую.

– Но не можешь ткнуть в него пальцем?

– Пока не могу.

Подойдя к окну, Бун выглянул на улицу и удивился, увидев, что она совершенно пуста. Ни машин на мостовой, ни пешеходов на тротуарах. Но, приглядевшись пристальнее, он заметил шевеление в затемненном подъезде через дорогу, потом там же наметилась какая-то более темная масса и от нее отразилась мгновенная светлая искорка.

– Джей, – позвал Бун, – когда, ты говоришь, намечен взрыв этого здания?

– В воскресенье утром. Рано-рано утром.

– Можно ведь считать, что уже воскресное утро. На той стороне – наряд полиции. Я приметил, как свет отразился от полицейской бляхи.

– Взрыв будет в четыре или пять утра. Когда займется рассвет. Я наводил справки о других операциях такого рода. Всегда при первых лучах рассвета, прежде чем могла бы собраться толпа. А сейчас чуть больше полуночи. У нас в запасе еще несколько часов.

– Не уверен, – откликнулся Бун. – Может, они решили обмануть самых бдительных и произвести взрыв раньше, чем ожидают? Ведь это старинное, общественно значимое сооружение. И если взорвать его пораньше, пока взрыва никто не ждет...

– Не станут они этого делать, – возразил Коркоран, придвинувшись к Буну на шаг-другой. – Просто не посмеют...

Раздался глухой гром, ударивший их по коленям. Штукатурка пошла трещинами, которые зазмеились по потолку вкось, к середине. Пол под ногами резко осел, Бун еле успел дотянуться до Коркорана и плотно обхватить его обеими руками...

И они очутились в ином месте, в иной комнате, где штукатурка не трескалась, а пол не проседал. Коркоран гневно оттолкнул Буна с криком:

– Что это значит, черт побери? Зачем понадобилось меня хватать?

– «Эверест» разваливается. Выгляни в окно. Видишь тучи пыли?

– Не может быть! Мы же с тобой в «Эвересте»...

– Уже нет. Мы в коробке, которую ты заметил с улицы. Мы ступили за угол.

– Какого дьявола! – продолжал кричать Коркоран. – Уж не хочешь ли ты сказать...

– Требовался кризис, Джей. Мне следовало знать это заранее. Я могу ступить за угол лишь в самый последний момент, в критическую секунду, когда другой надежды не остается.

Коркоран глянул на Буна осуждающе.

– Ты сыграл со мной скверную шутку. И даже не предупредил...

– Я и сам этого не предвидел. Моя аномальность – особый путь к выживанию. Она не включается, пока нет смертельной угрозы. Так это было и в прошлом. Это инстинктивная реакция на опасность.

– Но до сих пор ты ступал за угол лишь на самый короткий срок. А потом возвращался. Мы тоже вот-вот вернемся?

Бун покачал головой.

– Не думаю. Я возвращался, только когда это становилось безопасным. А здесь мы зависли бы в воздухе на месте здания, распавшегося на куски. Если бы мы ступили за угол в обратном направлении, то рухнули бы с высоты вслед за «Эверестом». А кроме того, раньше за углом не оказывалось никакой реальности. В предыдущих случаях я попадал в какую-то мглистую неясность, в серый плоский мир без определенных очертаний. А на сей раз мы угодили в реальное помещение – в твою коробку. Не могу ни за что ручаться, но думаю, что не ошибаюсь.

– Выходит, – сказал Коркоран, – мы в убежище Мартина. Ну и что нам теперь делать?

– А уж это решать тебе, – ответил Бун. – Тебе хотелось, чтоб я ступил за угол. Я так и сделал да еще прихватил тебя с собой. У тебя были вопросы к этому Мартину. Вот и давай поищи ответы...

Сказав так, он обвел взглядом комнату, где они очутились. Мебель была странной – форма и назначение каждой вещи понятны, а вот конструкция более чем диковинная. У дальней стены расположилось нечто похожее на камин, однако, сразу поправился он, скорее всего не камин. Над «камином» висел довольно массивный прямоугольник, возможно картина. Но если так, то в своей необузданной заумности она настолько превосходила даже самые сумасшедшие изыски модных художников, что разум отказывался признать ее произведением искусства.

Комната казалась вполне устойчивой, ничто не качалось и не провисало. Как это может быть? Ведь комната была каким-то образом прикреплена к зданию, ныне осевшему, обратившемуся в неаппетитную грудку обломков. И тем не менее она по всем признакам держалась на месте. Без поддержки взорванных стен она сама по себе парила в двухстах, если не более, футах над мостовой.

Бун подскочил к окну и выглянул наружу. В тусклом уличном освещении над тротуаром клубилась плотная туча кирпичной и известковой пыли, а из-под нее во все стороны разлетались куски камня и мрамора, доски и щепки. Не оставалось и тени сомнения, что старый отель обваливается или уже обвалился.

Комната, где они обрели пристанище, внезапно дрогнула, дала крен, потом снова выровнялась, но по стенам как бы пробежала дрожь. Бун, затаив дыхание, отшатнулся от окна.

Крен сдвинул картину или нечто похожее на картину, и она-оно отошло вбок, открыв утопленную в стене черную панель. Панель от края до края была забита сверкающими приборами. А в самом центре то вспыхивала, то гасла красная лампочка. Коркоран сохранил равновесие, широко раздвинув ноги, и уставился на панель – а лампочка все мигала.

И вдруг из недр панели послышался голос. Он звучал громко и сердито, но нес совершеннейшую тарабарщину.

– Говорите по-английски, – зарычал Коркоран. – По-английски! Или вы не знаете этого языка?

Лампочка прекратила мигать, и голос перешел на английский. В речи слышался странный акцент, и все-таки это был английский.

– Разумеется, язык мы знаем. Но зачем по-английски? Ведь это Мартин, не так ли? Где вы пропадали? Почему не отвечали на вызовы?

– Это не Мартин, – ответил Коркоран. – Мартина здесь нет.

– Но если вы не Мартин, тогда кто? Чего ради отвечаете? И как вы оказались в жилище Мартина?

– Друг, – сказал Коркоран, – это довольно долгая история, а на рассказ нет времени. Отель снесли, сровняли с землей, и мы остались в жилище Мартина, которое висит в воздухе без опоры и в любую секунду может рухнуть...

Говорящий с акцентом издал резкий произвольный вздох, потом произнес:

– Не паникуйте. Мы приведем все в порядок.

– Вовсе я не паникую, – ответил Коркоран, – но мне кажется, нам бы следовало немного помочь.

– Мы поможем. Слушайте меня внимательно.

– Я весь внимание.

– Вы видите приборный щиток? Вы должны его видеть. Он приводится в действие, когда защитная крышка сдвинута. Она должна быть сдвинута.

– Да сдвинута она, черт возьми, сдвинута! Кончайте говорить с нами, как с малыми детьми, и скажите мне прямо, что предпринять. Панель передо мной. Для чего она служит? Как действует?

– В нижнем левом углу панели вы видите много... мм... вы, вероятно, назвали бы их кнопками. В самом нижнем ряду кнопок отсчитайте третью справа и нажмите ее.

– Нажал.

– Теперь отсчитайте от этой кнопки вторую вверх и нажмите ее тоже.

– Тоже нажал.

– Теперь... Нет, не делайте ничего, пока я вам не скажу. Возьмите еще дальше вверх, под углом вправо, на расстояние трех кнопок. Вы меня понимаете?

– Понимаю. Держу палец на указанной кнопке.

– Не нажимайте ее пока. Я дам вам знать, когда будет можно. Как только вы нажмете эту кнопку, вы тем самым передадите контроль мне, и я вытащу вас оттуда.

– Вы имеете в виду, что возьмете на себя управление этой штуковиной, где мы находимся, и передвинете ее куда-то?

– Именно так. Вы возражаете против такого решения?

– Мне это не нравится, – ответил Коркоран, – но мы не в той ситуации, чтобы позволить себе препираться.

– Вы настойчиво повторяете «мы». Вы не один?

– Нас тут двое.

– Вы вооружены? У вас есть оружие?

– Конечно, нет. Зачем нам оружие?

– Откуда мне знать! Быть может, например...

– Вы теряете время! – взорвался Коркоран. – Мы можем свалиться в любой момент!..

– Вы нашли нужную кнопку?

– Да, нашел.

– Тогда нажмите ее.

Что Коркоран и сделал. На них навалилась тьма, сопровождаемая мгновенной потерей ориентации, словно их полностью вырвали из контакта с действительностью. Движения не ощущалось, точнее, не ощущалось вообще ничего.

А затем легкий толчок. Тьма отступила, в окна хлынул солнечный свет. И не только в окна, но и через дверь или, возможно, через люк, который сам собой открывался в полу, поворачиваясь на петлях.

– По-моему, – произнес Бун, – нас приглашают на выход.

И первым двинулся к порогу. За люком и отходящим от него наклонным пандусом виднелась лужайка. За лужайкой стоял дом, внушительный старинный дом из необработанного камня, кое-где тронутого наростами мха.

По лужайке им навстречу шагал человек в охотничьем плаще. На руке, согнутой в локте, лежало ружье на изготовку. Справа от него трусил веселый пес, великолепный золотисто-рыжий сеттер, а слева двигалось шаровидное чудище диаметром почти в человеческий рост. Чудище катилось размеренно, приноравливая свою скорость к шагу охотника. По всей своей поверхности оно было усыпано острыми шипами, посверкивающими, а то и вспыхивающими на солнце. Но, несмотря на остроту, шипы не оставляли на почве даже царапин. На мгновение Буна обуяла странная догадка, что чудище идет на цыпочках, но уже в следующий миг он понял, что оно просто-напросто плывет над почвой, медленно вращаясь на лету.

Бун, спустившись по пандусу, ступил на лужайку. Коркоран замешкался, поводя головой из стороны в сторону, будто это давало ему возможность разом охватить открывшуюся перед ним сцену. Из дома показались еще несколько человек и замерли на широких каменных ступенях, наблюдая за происходящим.

Человек с ружьем, по-прежнему сопровождаемый веселым сеттером и шипастым чудищем, остановился в дюжине шагах от Буна и сказал:

– Добро пожаловать в Гопкинс-Акр.

– Так это Гопкинс-Акр?

– Вы что, слышали про такое местечко?

– Услышал недавно, – ответил Бун. – Вчера или позавчера.

– И что же вы слышали?

– Ничего существенного, – пожал Бун плечами. – Точнее, вообще ничего. Что кто-то вдруг проявляет к вашему местечку немалый интерес.

– Меня зовут Дэвид, – сказал человек с ружьем. – Диковинного пришельца рядом со мной кличут Колючкой. Я очень рад, что вам удалось справиться с машиной. Хорас – отнюдь не тот техник, кому я доверил бы свою жизнь в минуту опасности. Он у нас достаточно неуклюж.

– Хорас – это тот, с кем мы разговаривали?

Дэвид кивнул:

– Он уже многие месяцы пытался связаться с Мартином. Когда наша панель сегодня утром вдруг ожила, мы решили, что Мартин наконец решил выйти на связь.

Коркоран в свой черед спустился по пандусу и встал рядом с Буном.

– Меня зовут Коркоран. Имя моего спутника – Бун. Мы оба сгораем от нетерпения узнать, что же с нами произошло. Быть может, вы не откажетесь объяснить нам все по порядку?

– Наше любопытство насчет вас ни на йоту не меньше, – откликнулся Дэвид. – Давайте пройдем в дом, там и поговорим. Думаю, что Нора вскоре позовет нас обедать. А может, стоит перед трапезой пропустить рюмочку-другую...

– Это было бы замечательно, – сказал Бун.

Глава 4

Шропшир, 1745 год

– Важно, чтобы вы осознали одно, – сказал им Хорас, – границы поместья вы не покинете никогда. Если бы такое было физически возможно, нам пришлось бы умертвить вас.

– Хорас у нас такой непреклонный, – вставила Инид. – Чувство такта у него попросту отсутствует. Он как молот – лупит по чему ни попадя. Право, он мог бы выразить то же самое иначе: нам очень жаль, что вы не можете покинуть поместье, но мы тем не менее рады, что вы с нами.

– А я не уверен, что рад их появлению, – заявил Хорас. – Это лишь очередное свидетельство, что положение выходит из-под контроля. Мартин со Стеллой исчезли без следа, да и то, что поведал нам Призрак...

– Генри! – перебила Инид. – Генри, а никакой не Призрак!..

– То, что вчера поведал Генри: некто или нечто рыщет вокруг Гопкинс-Акра, чувствует необычность и старается вывести, что тут такое. Ручаюсь: они вот-вот нас достанут. И вот теперь эти двое из Нью-Йорка, не способные дать удовлетворительное объяснение, как им удалось проникнуть во времялет Мартина, и к тому же слышавшие заранее про Гопкинс-Акр!

– Мы просидели здесь чересчур долго, – посетовала Инид. – Мы могли бы сбить всех со следа, если бы перебрались куда-нибудь еще. Никто не вправе сидеть на одном месте целых полтора столетия.

– Перемещение навлекло бы на нас опасность само по себе, – заявил Хорас. – Для подготовки такой операции нам пришлось бы затребовать бригаду техников. А прежде всего пришлось бы разведать новый адрес, куда перемещаться. Это, положим, мы могли бы сделать собственными силами, но переезд без посторонней помощи совершенно исключается. У нас самих нет и половины необходимых навыков.

– А я-то пребывал в уверенности, – произнес Дэвид не без яда, – что ты способен в одиночку справиться с любой задачей...

Хорас сторбился, как разъяренный бык.

– Ну-ка прекратите, – вмешался Тимоти в обычной своей мягкой манере. – Оба, и тот и другой. Чем ссориться, лучше объясним гостям, в меру нашего разума, ситуацию, в которую они угодили.

– Мне бы этого очень хотелось, – сказал Коркоран. – Вы заявили, что выбраться отсюда мы не сможем, а в то же время Дэвид... Я верно запомнил имя, не правда ли?

– Да, – подтвердил Дэвид. – Меня зовут Дэвид, и я несколько раз покидал поместье. Чаще всего посещал Лондон и Париж. Однажды был в Нью-Йорке.

– Вы упомянули также, что кто-то вот-вот прибудет сюда из Афин. Стало быть, у вас случаются и вылеты, и прилеты?

– Вылеты и прилеты, как вы их назвали, – ответил Тимоти, – осуществляются с помощью устройств, именуемых ковчегами, или времялетами. Ковчег, служивший жилищем Мартину, перенес вас сюда из Нью-Йорка, но это отнюдь не так просто.

– Я нажимал на кнопки, – пробормотал Коркоран.

– Вы могли бы нажимать на кнопки целую вечность и не сдвинуться с места. Однако вы нажали на строго определенные кнопки и тем самым подключили ковчег к контрольной панели в этом здании. После чего управление ковчегом Мартина перешло к Хорасу.

– Вы хотите сказать, что управлять этими ковчегами способен не каждый?

– Суть в том, – изрек Хорас, – что вы сейчас находитесь внутри временного купола. Термин, разумеется, упрощенный. Сквозь подобный купол не может проникнуть никто, не можем и мы. Есть единственный способ преодолеть эту преграду – на времялете. – На миг в комнате воцарилось молчание, затем Хорас добавил: – Ах да, я забыл про Призрака. Он, и только он, может преодолеть купол без посторонней помощи, но это особый случай.

– Генри, – напомнила Инид. – Генри, а никакой не Призрак!

– Сдается мне, – взял слово Бун, – что нам остается лишь принять ваши слова на веру со всей вежливостью, на какую мы только способны. Мы здесь, и вы заявляете, что отсюда нет возврата. Многого я, правда, не понял, и у меня возникла уйма вопросов, но с ними можно и подождать. У нас наверняка будет сколько угодно времени поставить эти вопросы один за другим.

– Меня радует, что вы отнеслись к услышанному столь достойно, – сказал Тимоти. – Мы и сами связаны рядом ограничений, пренебречь которыми невозможно. Выражаю надежду, что жизнь в нашей общине покажется вам приятной.

– Есть только один вопрос, – продолжил Бун, – слишком важный, чтоб его откладывать. Кто вы такие?

– Мы беженцы, – ответил Дэвид. – Беженцы, укрывшиеся в глубинах времени.

– Никоим образом! – вскричал Хорас. – Ты упрямо твердишь, что мы беженцы, а я утверждаю, что мы революционеры! Настанет день, и мы вернемся!..

– Не слушайте их обоих, – обратилась Инид к Буну. – Они всегда норовят вцепиться друг другу в глотку. Вас, вероятно, интересовало другое: откуда мы прибыли? Мы люди, родившиеся за миллион лет от этой эпохи. Люди из вашего отдаленного будущего.

Из столовой выглянула Нора и возвестила:

– Обедать подано...

Обед прошел вполне цивилизованно и спокойно, без дальнейших препирательств; Дэвид вспоминал деньки, проведенные в Нью-Йорке двадцатого века, и расспрашивал Буна и Коркорана о городе. Тимоти пересказывал книги, которые недавно прочел. Инид почти не раскрывала рта, да и Эмма благожелательно молчала. Хорас горбился, поглощенный своими мыслями, но в конце концов решил заговорить:

– Не понимаю, что стряслось с Гэхеном. Ему давно пора бы быть здесь.

– Гэхен из Афин, – пояснила Эмма. – Он везет для Тимоти новую книгу.

– Мы говорим «Афины» для простоты, – заявил Тимоти. – На самом деле их база не в Афинах, хоть и неподалеку.

– Еще одна небольшая группа наших живет в плейстоцене, – добавил Дэвид. – Южная Франция. Самое начало последнего оледенения.

– Вместе с неандертальцами? – полюбопытствовал Бун.

– Да, рядом с первыми неандертальцами. Правда, их там немного.

– И совсем уж непонятно, – вновь заговорил Хорас, не в состоянии освободиться от тревог, – что заставило Мартина бежать в такой спешке. Притом вместе со Стеллой. По-видимому, там был еще малый времялет, припрятанный в пакгаузе, и Мартин использовал его для бегства, а Стелла была предупреждена и успела присоединиться. Но почему он не пустил в ход основной ковчег? Почему впал в панику? У меня нет сомнений, что он запаниковал. Перепугался до смерти и сбежал...

– Он боялся, что отель превратится в ловушку, – предположила Инид. – Мне, например, это совершенно ясно. Может, он не вполне доверял мистеру Коркорану.

– А почему Мартин должен был ему доверять? – откликнулся Дэвид. – Мистер Коркоран сам признал, что приставил к Мартину со Стеллой соглядатаев, следивших за каждым их шагом...

– Он покупал мои услуги и очень хорошо платил, – сказал Коркоран. – Я стану работать с полной отдачей для кого угодно, лишь бы платили. За всю свою жизнь я ни разу не надул клиента, если он платежеспособен.

– Но в данном случае клиент не вызывал у вас доверия, – заметил Дэвид.

– Пожалуй, действительно не вызывал. Я не видел почвы для доверия. И установил за ним наблюдение не для того, чтобы причинить ему зло, а чтоб убедиться, что он не причинит зла мне самому. Ваш Мартин был скрытен до смешного. Что называется, скользкий тип.

– Он должен был знать, что отель будет взорван, – гнул свою линию Хорас. – Постояльцев, конечно же, предупреждали заранее. Бросить основной времялет в таких обстоятельствах, подвергая его риску обнаружения, – как хотите, но подобный поступок совершенно непростителен.

– Про предстоящий взрыв он мог и не слышать, – вступился за бывшего клиента Коркоран. – Постояльцам ничего не говорили до последнего момента. Да и потом, не делалось никаких публичных заявлений. Понимаете, все готовилось шито-крыто. Даже мне и то довелось услышать о предстоящем взрыве гораздо позже, чем Мартин исчез. А ведь от меня не ускользает почти ни один слушок...

– Тогда, значит, он отъехал по какому-то срочному делу, предполагая вскоре вернуться, – сделал вывод Дэвид. – В этом случае трогать основной времялет с места просто не было необходимости.

Оставив прежнюю тему, Хорас напустился на Буна:

– Вы так и не объяснили до конца, как вам удалось проникнуть во времялет. Как вы его обнаружили, я еще могу понять. Но как вы сумели проникнуть внутрь?

– Я уже сказал вам все, что мог, – ответил Бун терпеливо. – Я ступил за угол. И при всем желании я не в силах ничего прибавить. Потому что сам не понимаю, как это у меня получается. Мне известно одно: я становлюсь способен на это только под влиянием большого нервного напряжения.

– Это не объяснение, – отрубил Хорас. – Уж если человек что-то делает, то, естественно, знает как!..

– Извините, – сказал Бун. – Больше ничего не могу объяснить.

– Раз уж мы скатываемся на мелочи, – ввернул Коркоран, не скрывая известного раздражения, – скажите, пожалуйста, что за тарабарщину вы несли вначале, когда я вышел с вами на связь?

– На это отвечу я, – заявил Тимоти. – Как вы уже должны были заметить, мы предпочитаем держаться скрытно. Иногда, возможно, даже впадаем в шпиономанию. По нашим данным, система связи, какой мы пользуемся, застрахована от перехвата. Однако против нас действуют силы могущественные и в высшей степени изобретательные. Мы не уверены в своей безопасности, не имеем на это права. И если разговариваем друг с другом по каналам связи, используем древний язык, известный когда-то лишь маленькому, забытому ныне племени. Мы надеемся, что этот прием поможет избежать дешифровки даже в том случае, если разговор удастся перехватить.

– Ей-ей, – не сдержался Бун, – это самая полоумная уловка из всех, с какими я когда-либо сталкивался!..

– Вы еще мало что знаете, – продолжил Тимоти. – Вы еще не слышали о бесконечниках. Если бы вы, не дай бог, столкнулись с бесконечниками...

Из кухни донесся пронзительный крик, Тимоти и Эмма вскочили с места. В дверях появилась Нора, не прекращая кричать. Ее поварской колпак сбился набок, руки безостановочно теребили передник, повязанный вокруг талии.

– Гости! – визжала она. – К нам гости! И с ними что-то неладно! Времялет приземлился на клумбу и сразу перевернулся...

Стулья дружно скрежетнули по полу – все бросились в кухню и к черному ходу. Коркоран смерил Буна взглядом.

– Может, пожаловал тот самый посланец из Афин?

– Может, и он, – отозвался Бун. – Пойдем-ка посмотрим сами...

С кухонного крылечка им открылась картина весьма примечательная. Клумбу рассекала огромная борозда, оставленная прямоугольным предметом примерно двенадцати футов в длину и шести в ширину. Предмет торчал под углом, зарывшись носом в почву. Дэвид, Хорас, Инид и Тимоти толкали этот предмет и тянули в разные стороны, а Эмма стояла поодаль, причитая в голос.

– Надо бы помочь, – предложил Коркоран, и они в два прыжка очутились рядом.

– Что вы хотите сделать с этой штуковиной? – осведомился Бун у вспотевшего Хораса.

– Вытащить из земли, – прохрипел тот. – И поставить как полагается...

С помощью вновь прибывшего подкрепления это удалось. Хорас и Дэвид немедля набросились на различимую теперь отдельную панель в одной из боковых стенок. Мало-помалу панель поддавалась их усилиям, потом с хлопком отогнулась. Дэвид прополз в отверстие и вскоре начал пятиться.

– Подсоби, – позвал он. – Я, кажется, дотянулся до Гэхена.

Хорас, с грехом пополам втиснувшись рядом с Дэвидом, тоже сумел нащупать, за что ухватиться. Пятясь вдвоем, они выволокли на свет обмякшее тело и, протаскивая по всей клумбе, положили на траву. Гэхен запрокинулся на спину. Из рта у него стекала алая струйка. Одна рука бессильно болталась, одежда на груди пропиталась кровью. Хорас опустился на колени рядом с раненым, приподнял ему голову, погладил. Глаза раскрылись, окровавленные губы шевельнулись, но слов было не разобрать, одно бульканье. Инид поспешила к Гэхену, тоже стала на колени и произнесла:

– Все хорошо, Гэхен. Вы в безопасности. В Гопкинс-Акре...

– Что случилось? – взвизгнула Эмма.

Ответом стали два слова вперемешку с кровью.

– Все погибло, – выдохнул Гэхен и захлебнулся.

– Что «все», Гэхен? Что погибло?

Раненый силился выдохнуть кровь и наконец произнес:

– Афины...

Но больше ничего не сказал.

– Лучше перенесем его в дом, – предложил Тимоти. – Ранение тяжелое.

– Как это могло случиться? – продолжала верещать Эмма.

– Разбился он, сама не видишь? – воскликнул Дэвид. – Получил травму, потерял управление...

Раненый мучительно старался заговорить. Хорас приподнял ему голову повыше. Инид попыталась вытереть кровь с губ тоненьким платочком, но только испачкала платок, а толку не добилась.

– Афины... – слышался хриплый шепот сквозь кровь. – База в Афинах погибла. Разрушена...

Бун приблизился к Хорасу и положил пальцы на горло Гэхена, нащупывая пульс. Не нащупал, отнял руку и объявил:

– Он мертв.

Хорас, в свою очередь, разжал руки, позволив Гэхену упасть на траву, и медленно встал. Над помещением повисло тяжелое молчание. Люди лишь обменивались взглядами, не в силах полностью осознать случившееся. Наконец Тимоти обратился к Буну:

– Негоже оставлять его здесь. Вы можете перенести тело?

– Его надо будет похоронить, – сообразила Эмма. – Надо выкопать могилу...

– Сначала надо поговорить, – перебил Хорас. – Первым делом, прежде чем предпринимать что бы то ни было, надо все обсудить.

– Куда ты хотела бы его поместить? – спросил у Эммы Тимоти.

– В спальню наверху. Самую дальнюю направо. Оставить его в гостиной никак нельзя: кровь испортит мебель.

– А как насчет оружейной комнаты? Это ближе, и по лестнице тащить не придется. В оружейной есть кожаная кушетка. Кожу потом можно просто обтереть...

– Согласна. Пусть полежит в оружейной.

Бун взял умершего под мышки, Тимоти за ноги. Вдвоем они пронесли его через кухню и столовую, а Дэвид расчищал путь, отпихивая стулья. Чтобы добраться до оружейной, пришлось еще пересечь всю гостиную, пока Тимоти не скомандовал:

– Вон туда, к стене... – Опустив тело на кушетку, он задержался рядом, глядя на Гэхена сверху вниз, и сказал: – Не представляю себе, как быть дальше. Понятия не имею, что полагается делать в таких случаях. В этом доме не бывало смертей с самого нашего здесь появления. Совершенно новая для нас ситуация, и мы к ней не готовы. Мы ведь, знаете ли, почти бессмертны. Сама механика времени охраняет нас...

– Нет, я не догадывался об этом, – отозвался Бун.

– Внутри временного купола люди не подвержены старению. Мы стареем, только когда покидаем его пределы. – Бун не нашел подходящего ответа. А Тимоти продолжил, меняя тему: – Скверно все это. Настал критический момент, какие случаются в истории. Нам предстоит решить, что делать дальше. Решить без ошибки. Самое главное – без ошибки. Пойдемте со мной. Остальные, наверное, уже начали беседу...

Назвать это беседой было трудно. Собравшись в столовой, остальные наперебой орали друг на друга.

– Я так и предвидела! – кричала Эмма. – Так и предвидела, чувствовала нутром! Нам слишком хорошо жилось. Вот мы и решили, что так будет продолжаться вечно. Мы не заглядывали вперед, не строили никаких планов...

– Планов чего? – выкрикнул в ответ Дэвид, перебивая сестру. – Откуда нам было знать, какие именно планы строить? Каким образом можно было угадать, что произойдет?

– Не кричи на мою жену! – зарычал Хорас. – Никогда впредь не смей обращаться к ней в подобном тоне! Она права. Нам следовало предусмотреть все возможные неприятности и разработать типовые реакции на любую из них. Тогда мы не стояли бы разинув рты, как сейчас, захваченные врасплох и не ведающие, куда податься...

– А по-моему, – вмешался Тимоти, включаясь в перебранку, – лучше бы нам чуть-чуть успокоиться и хорошенько все обдумать...

– Нет у нас больше времени на спокойные размышления! – не мог уговориться Хорас. – Во всяком случае, на ленивые неспешные размышления, какие ты имеешь в виду. Я тебя раскусил, Тимоти. Ты попросту отмахиваешься от неприятностей. Не хочешь смотреть правде в глаза, и все тут! Впрочем, то же самое было и раньше. Помню, когда-то...

– Согласен, надо что-нибудь предпринять, – присоединился к общему крику Дэвид. – Думаю, что Тимоти не прав. Не тот нынче момент, чтоб откинуться на подушки и ждать развития событий. Мы, безусловно, должны принять какие-то меры. Но не может же каждый орать вразброд, что бы ему или ей ни взбрело в голову! Так уж мы точно...

– Нам надо уехать! – взвизгнула Эмма. – Надо убратъся отсюда любой ценой!

– Какой же смысл, – выкрикнул Дэвид, – бежать, куда глаза глядят? Бежать – да, конечно, если придется, но надо же сперва иметь определенный план...

– Никуда я не побегу! – взвился Хорас. – Не намерен бежать и не побегу! Бегство – это для трусов, и я не потерплю...

– Но мы должны бежать! – визжала Эмма. – Должны уехать отсюда! Нельзя сидеть здесь и ждать новых нападений! Мы должны найти укромное место...

– Ничего ты не найдешь, если побежишь сломя голову, – проревел Хорас. – Надо же хоть немного соображать...

– А я тем не менее полагаю, – заявил Тимоти, – что мы слишком торопимся. Два-три дня больше или меньше – не составит особой разницы...

– Через два-три дня нас может не быть в живых, – заорал Хорас.

– По крайней мере, похороним Гэхена достойно, – возразил Тимоти.

– Гэхен не в счет! – надрывался Хорас. – Гэхен мертв, и с ним уже ничего не случится!

А мы еще живы, и нам не все равно, какая участь нас ждет завтра...

Бун влез на стул и перешагнул со стула на стол, отшвырнув ногой тарелки и приборы.

– Заткнитесь все! – загремел он. – Заткнитесь и сядьте по своим местам!

Крик как ножом обрезало – все повернулись к Буну и уставились на него.

– Ваше вмешательство ни к чему, – резко произнесла Эмма. – Вы не член семьи.

– Вы сами вовлекли нас с Коркораном в свою общину, – ответил Бун, – когда объявили, что поместья нам не покинуть. Тем самым вы дали нам право голоса. Мы с вами в одной лодке. Так что заткнитесь и сидите спокойно... – Все были настолько поражены, что послушались. Тогда Бун добавил, обращаясь к Коркорану, оставшемуся стоять у стены: – Джей, если кто-нибудь снова начнет орать или вскочит с места, ты его утихомирь.

– С удовольствием, – откликнулся Коркоран.

– Я вполне понимаю, – продолжил Бун, – что это милая семейная ссора и что большую часть сказанного не стоит принимать всерьез. Но таким манером вы никогда ни до чего не договоритесь, а принять какой-то курс действий совершенно необходимо. Нравится вам или нет, я выступлю судьей на ринге.

Хорас мгновенно встал – Коркоран оттолкнулся от стены и двинулся в его сторону. Хорас опять сел.

– У вас есть что сказать? – обратился к Хорасу Бун.

– Могу сказать только одно: вы просто ни черта не смыслите в происходящем. У вас нет даже зачаточных знаний, необходимых для роли судьи.

– В таком случае, – ответил Бун, – быть может, вы не откажетесь просветить меня?

– Только не Хорас! – вмешалась Инид. – Он опишет события, как ему видится. И затуманит смысл...

Хорас снова вскочил – Коркоран снова оттолкнулся от стены, и Хорас сел на место.

– Прекрасно, мисс Инид, – заявил Бун. – Изложите свою непредвзятую версию событий. А вы, – обратился он к Хорасу, – получите слово позже. Но соблюдайте правила – говорить поодиночке, не кричать и тем более не толкаться.

– Мы группа беженцев, – начала Инид. – Мы...

– Мы не беженцы! – завопил Хорас.

– Заткнитесь! – осадил его Бун. – Инид, продолжайте, пожалуйста.

– Как я уже говорила вам, мы из эпохи, отстоящей от вашего времени на миллион лет.

За этот миллион лет человечество изменилось...

– Его принудили измениться! – вмешался Хорас. – По своей воле оно и не подумало бы...

– Как ты можешь быть в этом уверен? – в свою очередь, перебил Дэвид. – К примеру, существует Генри...

– Я вполне уверен, – заявил Хорас. – Бесконечники...

Бун поднял руку, призывая к молчанию. Хорас замолчал.

– Вы уже поминали это слово, – обратился Бун к Тимоти. – Я хотел попросить у вас разъяснений, но в ту минуту прибыл времялет из Афин. Скажите мне наконец, кто такие бесконечники?

– Бесконечники – это иная разумная раса, – ответил Тимоти. – Откуда-то из центра Галактики. Они не биологические существа. Может, некогда и были биологическими, но изменили свою природу и стали тем, что есть.

– В сущности, – добавил Дэвид, – мы знаем о них очень мало.

– Я бы так не сказал, – возразил Хорас. – Мы знаем хотя бы приблизительно, на что они способны.

– Ладно, – сказал Бун. – Мы отвлеклись от темы. Инид собиралась сообщить, как именно изменилось человечество за миллион лет.

– Из телесных созданий, – ответила Инид, – из существ биологических люди превратились в существа бестелесные, нематериальные, в чистый разум. В наше время люди гнездятся огромными роями на кристаллических решетках. Они...

Вмешался Хорас:

– Это непристойно! Бессмертие...

– Заткнитесь! – загремел Бун. И вновь повернулся к Инид. – Но вы-то люди, самые настоящие люди. И те, что жили на базе в Афинах, тоже люди – биологические и...

– Были несогласные, – пояснила Инид. – Были такие, кто решил спастись бегством, лишь бы избежать бестелесности.

– Для значительной части человечества, – сообщил Тимоти, – бестелесность оказалась чем-то сродни новой увлекательной религии. Были, однако, и несогласные, притом протестующие весьма бурно. Мы причисляем себя к этим несогласным. Помимо нас есть и другие, кто предпочел скрыться в различных временных зонах. Мы живем малыми группами, и каждая держится обособленно. Так нас труднее обнаружить. После бегства несогласных бесконечники либо их ставленники стараются нас выследить. По-моему, вера в религиозную сущность бестелесности – выдумка чисто человеческая. Для самих бесконечников это, по моему убеждению, отнюдь не религия, а четкий план, охватывающий всю Вселенную. Бесконечники уверены, что есть лишь одно-единственное явление, способное пережить гибель Вселенной, – это разум. И они поставили перед собой задачу создать сообщество разумов. Конечно, такое сообщество охватывает не только человечество, но и множество других разумных рас Галактики, не исключено, что и всей Вселенной. Возможно, бесконечники в нашей Галактике – всего-навсего небольшая миссия, одна из множества миссий, раскиданных по Вселенной и просвещающих невежественных язычников со всем усердием...

– Безумие! – завопил Хорас. – Говорю тебе, твои рассуждения – полное безумие!..

– Понимаете, – вмешалась Эмма, – мы ведь никогда не видели бесконечников. Другие, может, и видели, а мы нет.

– Эмма имеет в виду, – счел за благо пояснить Хорас, – что никто из нас, здесь присутствующих, не видел бесконечников собственными глазами. А другие видели и пришли к убеждению, что все человечество обязано согласиться на жизнь в виде фантомов чистого разума. Это их убеждение превратилось в безумную, абсурдную веру. Несогласные были поставлены вне закона.

– Стоит принять во внимание, – добавил Тимоти тихо, – что человечество созрело для подобных перемен. Оно изменилось задолго до появления бесконечников. К тому периоду, из которого мы сбежали, преобразились и жизненные ценности, и философские воззрения. Человечество устало, ему все наскучило. Оно достигло слишком высокого развития, добились слишком многого. Дальнейший прогресс перестал кого-либо интересовать. Если говорить в целом, нормой существования стало всеобщее дилетантство.

– А как же вы? – спросил Бун.

– Нас это не коснулось, – заявил Тимоти. – Нас и некоторых других. Мы были отселенцами, отсталыми и неотесанными, живущими вне пределов ослепительного совершенства, в каком погрязло все остальное человечество. Мы пожелали остаться людьми. Мы не доверяли новым идеям. И потому стали изгнанниками.

– Но ваши времялеты...

– Мы просто-напросто украли их у бесконечников, – сообщил Хорас. – Мы остались людьми в достаточной мере, чтобы защищать себя любыми средствами, если это необходимо. Бесконечники не лгут и не крадут. Они чересчур величественны и благородны.

– И глупы, – добавил Дэвид.

– Верно, – согласился Хорас. – И глупы. Но теперь они выследили нас, и нам придется снова бежать.

– Я не могу уехать отсюда, – заявил Тимоти. – Твердо решил, что никуда больше не поеду. Я не в силах бросить свои книги и записи, не в силах пожертвовать всей проделанной работой.

– Тимоти пытается, – сообщила Инид Буну, – найти хотя бы примерный ответ, где и как человечество сбилось с пути, как довело себя до ситуации, в которой люди через миллион лет согласятся с идеями бесконечников. По мнению Тимоти, где-то здесь, недалеко от истоков нашей цивилизации, лежит ключ к ответу, и его можно найти при тщательном изучении истории и философии.

– Я уже близок к ответу, – заявил Тимоти. – Уверен, что близок. Но никак не сумею продолжить работу, лишившись книг и записей.

– У нас просто не будет места, – вклинился Хорас, – на все твои бесчисленные листы, не говоря уже о книгах. Вместимость ковчегов крайне ограничена. Правда, у нас появился жилой ковчег Мартина, и это очень кстати. Есть еще наш собственный малый времялет и машина Гэхена, если она не вышла из строя...

– Думаю, что с ней ничего или почти ничего не случилось, – сказал Дэвид. – Гэхен потерял управление, только и всего. Тем не менее она села на клумбу относительно мягко.

– Надо ее осмотреть, – предложил Хорас.

– Наконец-то мы, кажется, сдвинулись с мертвой точки, – произнес Бун. – Но хочется или нет, предстоит принять еще несколько конкретных решений. Если вы убеждены, что надо сниматься отсюда, то может ли кто-нибудь предложить – куда?

– Можно присоединиться к общине в плейстоцене, – обронила Эмма.

Хорас отрицательно покачал головой:

– Не годится. База в Афинах разрушена, и Генри сообщил нам, что кто-то или что-то рыщет и здесь. С таким же успехом недруги могли обнаружить и базу в плейстоцене. А если еще не обнаружили, то наше переселение в ту эпоху поможет им в этом. Я предлагаю отправиться глубже в прошлое, во времена до плейстоцена.

– А по-моему, надо вернуться в будущее, – высказался Дэвид, – и выяснить, что там творится.

– Обратно в осиное гнездо? – возмутилась Эмма.

– Что ж, пусть так, если этого не избежать, – ответил Дэвид. – Вполне вероятно, что там остались наши единомышленники, которые предпочли не сбежать, а скрываться и терпеть лишения. Может, они даже нашли какой-то иной выход из положения.

– Допускаю, что Мартин знал о происходящем больше нашего, – подсадовал Хорас, – но куда он к черту запропастился?

– И все же нужно какое-то время, чтобы все обдумать, – сказал Дэвид. – Негоже принимать важнейшие решения второпях.

– Два дня, – отрезал Хорас. – Два дня, и мы улетаем.

– Надеюсь, вы поняли, – заявил Тимоти тихо, но непреклонно, – что я не намерен улетать куда бы то ни было. Что бы ни случилось, я остаюсь здесь.

Глава 5

Страшилище

Бун присел на низкую каменную оградку, отделяющую выгон от пашни. Там, на пашне, беззаботно резвились два сеттера, гоняясь друг за другом, а то и за птицами, когда собачья возня поднимала пернатых со стерни. Предвечернее солнце ласкало теплом, безоблачное небо простиралось над равниной голубым покрывалом.

Часа два подряд он рыскал по территории поместья в компании веселых сеттеров. Первоначально он вышел с твердым намерением обнаружить охранный купол, найти разделительную временную стену, которая – близко ли, далеко ли – должна была непременно доходить до самой земли. Он старался шагать строго по прямой, регулярно сверяясь с ориентирами, намеченными заранее. Но через час или чуть больше, двигаясь по прямой, он, к огромному своему удивлению, достиг почти той же точки, откуда начал движение.

Прогулку, однако, нельзя было назвать полностью бессмысленной и неудачной. За этот час сельский пейзаж проник ему в душу, наполнил ее покоем. Сколько же лет миновало с тех пор, как ему выпало в последний раз гулять на природе? Теперь на память пришли и другие прогулки, пусть они были в иные годы и в иных странах. Он столкнулся со стадом самодовольных овец, которые воззрились на пришельца с умеренным интересом, потом отбежали немного в сторонку и вновь застыли, пялясь на него, пока он не прошел мимо. Он переступал через быстрые крошечные ручейки с кристально чистой водой, проходил сквозь славные маленькие рощицы и с подлинным удовольствием любовался осенними цветами, склоняющимися над зеркальными заводями и прячущимися в тени живых изгородей.

Теперь он присел на каменную оградку неподалеку от того места, где перебрался через нее в начале прогулки. За его спиной лежала дорога, взбегающая меж усохших тополей к самому дому, а перед глазами расстился простор сжатых полей. О чем он думал? Пожалуй, более всего – о тех чудесах, изумляющих до немоты, о которых ему с Коркораном рассказали живущие в доме люди. Но все это было столь фантастично, настолько превосходило всякое воображение, что додуматься ни до чего не удавалось, трудно было даже ухватиться за что-нибудь. И для каких-либо логических рассуждений отправной точки не находилось.

Далеко за полем, на опушке рощицы, мелькнула искорка. Там что-то шевелилось. Всмотревшись пристальнее, он в конце концов понял, что это человек, а еще чуть позже узнал Коркорана. Тот широким шагом поднимался по склону как раз в направлении оградки, где сидел Бун. Дождавшись приятеля, Бун похлопал ладонью по теплomu камню и пригласил:

– Присаживайся, Джей. Поделись, где был, что видел.

Ибо Коркоран, яснее ясного, не отправился бы гулять без определенной цели – он что-то искал.

– Нашел край купола, – сообщил Коркоран. – Убежден, что не ошибаюсь, хотя виден край смутно, и поклясться, что это именно купол, не смогу.

– Я и сам искал этот край, – откликнулся Бун. – Шел строго по прямой, а пришел туда, откуда начал. И ничего не обнаружил. Хотя у тебя глаза устроены по-другому...

– Наверное, в этом все дело. Глаза у меня действительно устроены по-другому. Но у меня есть еще и свидетель. Генри, не тушуйся, подтверди ему...

– Генри? Какой еще Генри? Джей, ты сбрендил. Ты поднимался по склону один, совершенно один.

– Я нечаянно нашел друга. Просто выпало из памяти, что ты не способен заметить его при солнечном свете. Генри, будь добр, переберись в тень вон того дерева, чтобы Том

тоже видел тебя. – Коркоран указал большим пальцем на деревце, приютившееся у самой оградки, и добавил: – Вглядишься, Том, повнимательнее...

Бун уставился на деревце. Там ничего не было – но мгновением позже он подметил туманное мерцание, пляшущее в воздухе, как пляшут пылинки в узком солнечном луче, проникшем сквозь планки жалюзи. И из тени деревца к нему обратился беззвучный голос – произнесенные слова проникали прямо в мозг:

«Рад познакомиться с вами, сэр. Я Генри, хотя Хорас иногда называет меня Призраком, к беспокойству и негодованию других членов семьи. Я лично ничего не имею против – призрак так призрак. Может статься, это даже более подходящее имя для такого, как я. Ибо, в конечном счете, никто не в силах сказать, что есть призрак. Только если я в самом деле призрак, то отнюдь не из прошлого, как, подозреваю, большинство других призраков, а из будущего».

– Чтоб мне провалиться, – ответил Бун. – И все же, в сравнении с другими штуками, вы кажетесь мне почти заурядным явлением. Сегодня в вашей семье упоминали про вас. Да, кстати, меня зовут Том Бун, Джей и я – давние друзья.

«Все, что ваш друг сообщил вам про временную стену, – сущая правда, – отозвалось в голове Буна. – Мне известно, что он видел ее, хоть и нечетко. Ваш друг – человек необычный. Насколько мне известно, никто другой не в состоянии заметить стену, хоть люди уже научились засекаать время. Пытался я показать вашему другу и какого-нибудь проныру. Я называю их пронырами, их тут много, они норовят нащупать купол. Чувствуют какую-то необычность, только не понимают, что это такое».

– Ну и как? – справился Бун у Коркорана. – Видел ты этих проныр?

– Что-то видел. Что-то небольшое, не крупнее обычной собаки. А вот разглядеть толком не сумел. Знаю, что возле купола вертелось что-то странное, и все.

«Я и сам не знаю, что они такое, – произнес Генри. – Но в данной ситуации не следует пренебрегать ничем, что выходит за рамки обыденности».

– Что новенького в доме? – осведомился Коркоран у Буна.

– Когда я уходил, они разговаривали. Никто больше не орал, разговаривали спокойно. Хорас с Инид отошли в сторонку и спорили о том, где похоронить Гэхена. А остальные разговаривали, обсуждали последние события...

– Наверное, мы с тобой поступили разумно, что удалились, – сказал Коркоран. – Дали им шанс договориться между собой без посторонней помощи.

Бун согласился:

– В сущности, это действительно их дело. Решение принимать им и никому другому.

– Когда ты вскочил на стол, ты вроде бы взял инициативу на себя.

– Ничего подобного. У меня и в мыслях не было соваться в чужой монастырь со своим уставом. Но они так разорались, что ни до чего не договорились бы. Крик мог бы продолжаться до ночи. Должен же был кто-то вернуть их к здравому смыслу!

«Вы судите их строго исходя из их поведения, – вмешался Генри. – Вполне допускаю, что они вели себя скверно, но вы не можете не понимать, что для них поставлено на карту. Они покинули свою эпоху, по вашему исчислению, полтора века назад. Разумеется, они спасали свою шкуру, но цель их бегства еще и в том, чтобы мужчины и женщины не стали бестелесными абстракциями, чтобы от человечества остались не только отвлеченные мыслительные процессы. Взгляните на меня. Я на полдороге к тому, что станется со всем человечеством, если бесконечники настоят на своем. В моем случае у них произошел сбой. Что-то разладилось, и меня выплюнуло на свободу, притом в нынешнем моем состоянии им меня больше не поймать. Я теперь за пределами любых воздействий, кроме, может быть, каких-нибудь чрезвычайных мер, о которых я и сам не имею представления. И раз уж мне повезло спастись, я вернулся к семье и пустился в путь вместе с ними. Благодаря моей неортодок-

сальной форме я оказался способен оказывать остальным кое-какие услуги. Меня признают полноправным членом семьи, и все дружно встают на мою защиту, как только Хорас – а он связан с семьей лишь постольку, поскольку правдами и неправдами склонил сестру Эмму выйти за него замуж, – не оказывает мне должного уважения».

– Захватывающая история! – воскликнул Коркоран. – Поистине она помогла нам лучше понять нынешнее положение вещей. Тебе, Генри, должно быть ясно, что нам нелегко без-ошибочно разбираться в событиях, какие произойдут через миллион лет после нас...

«Конечно, нелегко, – отозвался Генри. – Должен честно признать, меня приятно поразило, насколько хладнокровно и четко вы восприняли все, что свалилось на вас за последние несколько часов. Наши откровения несколько не выбили вас из колеи».

– Вероятно, мы слишком тупы, чтобы нас можно было выбить из колеи, – съязвил Бун.

«Ничего подобного. Вы не выказали ни малейшей тупости. Ваши реакции позволяют мне сделать вывод, что в основе своей человечество куда более рационально, чем можно было бы ожидать в такой близости к нашим изначальным корням».

– Мне все-таки любопытно, – сказал Коркоран, – каким это образом ты сумел оказать серьезные услуги семье во время бегства?

«Я был разведчиком, – ответил Генри. – Я идеально подхожу для этой роли. Кто заподозрит в чем-либо порхающий лунный луч или легкое мерцание при солнечном свете? Даже если меня заметят, любой здравомыслящий человек сочтет это кратковременным обманом зрения. Вот я и отправился в прошлое в одиночку. Во времялете я не нуждаюсь, пространство и время открыты мне в равной мере. Я выступал как доверенный лазутчик. Остальные готовились в путь, поджидая моего донесения. Но не успел я вернуться, как им пришлось бежать скоропалительно, наугад, не имея определенных планов. В конце концов я разыскал их в дебрях так называемого раннего средневековья, когда обширная часть Европы обезлюдела, заболотилась и лежала в развалинах. Найти там убежище было, может, и нетрудно, но жить неприятно».

– Так значит, это ты присмотрел для вашей базы поместье Гопкинс-Акр?

«Совершенно верно. Были и другие возможности устроиться не хуже, а то и лучше, были места, которые мне лично нравились больше. Но здесь обстоятельства сложились как по заказу. Владелец со всем семейством был в отсутствии, отправился на континент. Так что я, даже прежде чем пускаться на поиски остальных, выявил в нашем собственном времени техников, способных в интересах семьи вычленив это имение из его естественного окружения. Когда я вновь нашел своих близких среди зловонных топей, именуемых средневековой Европой, имение поджидало их точно таким, как сегодня».

– Интересно бы узнать, что случилось с самими Гопкинсами, – произнес Коркоран. – Вернулись они из своей поездки, а дома как не бывало! И все, что по соседству, исчезло за одну ночь: поля и фермы, усадьба со всей челядью. Что могли подумать в округе?

«Понятия не имею, – ответил Генри. – Никто из нас этого не знает, никто не интересовался. Это не наша забота. Мы взяли ровно столько, сколько нам было нужно. Собственность вовсе не священна, как вы полагаете».

Внезапно сзади послышался голос Дэвида:

– Я высмотрел вас здесь и пришел сообщить, что похороны решено провести на закате.

– Можем мы чем-либо помочь вам? – осведомился Бун. – Например, выкопать могилу?

Дэвид отрицательно покачал головой:

– Помощи не требуется. Хорас – мужик здоровый и может один перевернуть горы земли. Да и Тимоти не повредит немного поработать физически, хоть он этого и не любит. Нажать парочку мозолей на нежных ненагруженных ручках для нашего братца Тимоти будет очень поучительно. Да и Эмма подсобит, если нужно.

Поднявшись к двум друзьям, Дэвид уселся на оградку рядом с ними.

– С нами Генри, – сообщил Коркоран. – Мы тут с ним беседовали. Приятная и весьма познавательная беседа.

– Я так и думал, – сказал Дэвид. – У меня возникло ощущение, что он здесь. Генри, я рад твоему появлению. Значит, на похоронах вся семья будет в сборе. Все, за исключением Колючки. Кстати, ты часом не знаешь, где он шляется? Может, пойдешь поищешь его?

«Не имею понятия, где он. Никто не в состоянии за ним уследить. Он может забрести куда угодно. В конце концов, это не столь важно. Он же не член семьи в полном смысле слова».

– Пожалуй, уже стал им, – ответил Дэвид.

– Один вопрос не дает мне покоя, – снова заговорил Коркоран. – Вы установили, отчего умер Гэхен?

– Хорас осмотрел тело. Грудь распахана словно ударом гигантской когтистой лапы. Диву даешься, как он ухитрился прожить достаточно, чтобы успеть предупредить нас. Он был почти мертв уже к моменту приземления времялета.

– А сколько времени занимает перелет из Афин?

– Перемещение должно было произойти практически мгновенно.

– Звучит логично. Когда мы летели из Нью-Йорка, на миг наступила тьма, и сразу же толчок при посадке.

– По-моему, из всех нас, – сказал Дэвид, – Хорас единственный, кто мог догадаться осмотреть Гэхена. Хорас готов вывернуть себе мозги, добираясь до сути вещей, рассчитывая все наперед. Но на долгий срок его предвидения не хватает. Сейчас он поставил все три времялета рядышком на лужайке. Тот, на котором прибыл Гэхен, в полном порядке. Аварийная посадка на клумбу ему нисколько не повредила. Хорас под завязку набил времялеты продуктами питания и оружием из коллекции Тимоти.

– Из чего я делаю вывод, что вы все-таки решили перебазироваться.

– Ну что ж, наверное, хоть и неизвестно в точности когда и куда. Зато Хорас прикрепил каждого к определенному времялету.

– И когда вы отправитесь, мы должны лететь с вами?

– Вне всякого сомнения. Нас совсем немного. Вполне возможно, что вы нам понадобятся.

– Видимо, вы полагаете, что мы должны быть вам благодарны?

– Добровольно или нет, но вы отправитесь с нами. Оба.

– Не думаю, – сказал Коркоран, – что мне хотелось бы остаться здесь, на пространстве нескольких акров в пределах замкнутого сегмента времени.

– Удивительно, как все обернулось, – произнес Дэвид задумчиво, будто беседуя сам с собой. – Я имею в виду состав нашей семейки. Хорас, твердолюбый, практичный хам, организатор и интриган. Эмма, наша плакальщица, наша совесть. Тимоти, книжный червь. Инид, мыслитель. И я, бездельник, паршивая овца, в сравнении с которой все прочие могут считать себя образцом добродетели...

– Постойте, постойте, – сказал Бун. – Инид – мыслитель?! Мне даже почудилось, что вы как бы подчеркнули это слово, придавая ему особое значение...

– В эпоху, откуда мы родом, – ответил Дэвид, – у людей наконец-то появился досуг, чтобы думать. Исчезла нужда надрываться ради хлеба насущного или продвижения по службе. Человечество добилось такого прогресса, что перестало его ценить. И многие, располагая временем в избытке, обратились к размышлению.

– К философии?

– Нет, к размышлению ради размышления. Ради того, чтоб убить время. Притом такое занятие стало пользоваться высоким уважением. Бывало, что размышление приводило к рождению новых больших идей, и тогда их обсуждали подробнейшим, предельно вежливым

образом, но применять идеи на практике – нет, ни под каким видом. Мы устали от отсутствия реализации собственных идей. А размышлять можно бесконечно. Можно провести в размышлениях всю жизнь – так нередко и случалось. Не исключая, что именно тут и кроется причина, отчего многие склонились к принятию концепции бесконечников и с готовностью согласились на превращение в ячейки бестелесного разума, в мыслящие единицы, не стесненные путами биологических тел...

– Сейчас это у вас прозвучало почти одобрительно, словно вам по душе программа, предложенная бесконечниками.

– Отнюдь нет, – заявил Дэвид. – Я просто пытаюсь обрисовать ситуацию, как она сложилась для большинства.

– Ну а Инид?

– С ней, пожалуй, дело обстоит иначе. Скажу так. Тимоти – аналитик, изучающий прошлое человечества в поисках изначальных, основополагающих ошибок нашей культуры и в надежде, что будущие остатки биологической расы сумеют с помощью этого анализа создать новую культуру, которая даст им лучшие шансы на выживание. А Инид намерена путем дедукции наметить для этой культуры независимый сценарий развития, дать ей своего рода путеводную нить. Конечно, все это имеет смысл лишь в том случае, если хоть какая-то часть человечества сохранит прежнюю биологическую природу. Оба они, и Тимоти и Инид, выступают в роли первопроходцев, открывающих нам новые пути. Со временем им, быть может, действительно удастся создать новую модель человека и человечества.

«А вот и Инид, легка на помине», – сообщил Генри.

Трое мужчин слезли с оградки и уже стоя поджидали ее.

– Церемония скоро начнется, – сказала она, подходя.

– Генри тоже здесь, с нами, – сообщил Дэвид.

– Прекрасно, – откликнулась она. – Значит, присутствуют все без исключения. Даже Колючка, и тот только что прикатился...

Они зашагали к дому – Коркоран с Дэвидом впереди, Бун рядом с Инид. Взяв его под руку, она заговорила тихо и доверительно:

– У нас не было времени сколотить гроб. Просто завернули тело в тонкую белую ткань, а Тимоти нашел кусок парусины, и мы с Эммой смастерили из нее саван. Больше мы ничего не придумали. Хорас по-прежнему в смятении. Он считает, что надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

– А как по-вашему?

– Он, наверное, прав. Вероятно, действительно надо. Но как же не хочется покидать этот дом! Он служил нам пристанищем так долго... Да, а похоронить Гэхена решили за домом, у подножия старого дуба.

– Вы, видно, любите деревья?

– Да, люблю. И что тут необычного? Многие разделяют эту мою любовь. Вас удивит, если я скажу вам, что деревья придут нам на смену? Они переживут нас и займут наше место.

Бун рассмеялся:

– Утонченная гипотеза! Самая изысканная из всех, какие мне доводилось слышать...

Инид не ответила, и путь продолжался в молчании. Только у самого дома она показала рукой направо:

– Вот и времялеты. Уже на старте и ждут седоков...

И впрямь на лужайке перед домом выстроились все три аппарата – два малых на ближних позициях, а чуть подальше большой ковчег, служивший жильем пропавшему Мартину.

– Вы, как и ваш друг, отправитесь вместе с нами, – продолжала она. – Интересно, кто-нибудь догадался уведомить вас об этом? Надеюсь, вы не против. Жаль, конечно, что вас угораздило впутаться в наши передраги...

Бун ответил угрюмой шуткой:

– Не отказался бы от таких приключений ни за что на свете...

– Вы это серьезно?

– Сам не знаю. Вернее, знаю одно. Если вы улетаете, то лучше уж я полечу с вами, куда бы вы ни отправились, чем останусь здесь, под куполом, на веки вечные...

Коркоран с Дэвидом повернули налево в обход дома.

– Сразу после похорон, – сказала Инид, – мы соберемся все вместе и окончательно определим курс действий...

Откуда-то из-за дома донесся пронзительный скрежещущий визг. На мгновение визг прервался и сразу же возобновился – терзающий слух, леденящий душу вопль, с каждой секундой поднимающийся выше и выше, почти за пределы слышимости.

Бун бросился на вопль и сам неожиданно всхлипнул на бегу: этот звук стискивал горло, подавляя все чувства, кроме ужаса. И все-таки он бежал и почти завернул за угол, когда что-то тяжелое и стремительное налетело на него и опрокинуло. Он покатился кубарем по траве и остановился, лишь уткнувшись в заросли шиповника. Выбираясь из колючих кустов на ровное место, он опять упал, теперь уже носом в грязь. Грязь была липкая – одной рукой он счищал ее с лица, другой пытался освободиться от кустов, что оказалось тоже не так-то легко: острые, твердые шипы впились в одежду и отцепляться никак не желали.

Как только удалось снять грязь хотя бы частично, он увидел Эмму, которая мчалась во весь дух к времялету Мартина. Вслед за ней бежали другие – сколько, было не сосчитать, может, и все, – и бежали стремглав, будто сам дьявол гнался за ними по пятам. «Не иначе как Эмма, – мелькнула мысль, – сбила меня с ног...» Он рванулся, выдираясь из кустов, но не тут-то было: упрямый цепкий отросток держал за штанину мертвой хваткой, и осталось лишь сесть на землю лицом к дому.

Из-за дома выдвигалось нечто непредставимое. Расскажи ему кто-то другой, он не поверил бы, что такое возможно; будто ожила паутина поперечником футов в двенадцать, если не больше. Паутина беспрерывно пульсировала, и по каждой из составляющих ее тончайших нитей проносились, мерцая и искрясь, вспышки энергии – Буну подумалось, что это энергия, хотя поручиться было нельзя. За переплетением нитей виднелось зеркало или какой-то диск, а может быть, глаз. Удалось различить, хоть и смутно из-за ярких вспышек энергии, механические придатки, уже устремившиеся наружу и вниз, прямо к сидящему на земле человеку. По паутине были разбросаны и какие-то другие детали, но об их форме и назначении нечего было и гадать.

– Бун! – раздался крик. – Бун, дуралей, бегите, спасайтесь! Я подожду вас...

Он вскочил как ужаленный, отодрав наконец штанину от куста. Повернулся к времялетам – на лужайке осталась лишь одна из малых машин. Люк был открыт, рядом с люком стояла Инид.

– Бегите, бегите! – повторяла она. – Бегите!

И он побежал, как не бегал никогда в жизни. Инид уже забралась во времялет и подавала ему изнутри отчаянные знаки. Достигнув люка, он прыгнул туда с разбегу, но зацепился ногой за край и упал неловко, навалившись на Инид.

– Пустите, олух! – прошипела она.

Он кое-как скатился на бок. Люк с лязгом закрылся. В последнюю секунду Бун сквозь щель еще раз увидел паутину, почти накрывшую времялет. Инид старалась дотянуться до мерцающей в носовой части аппарата панели управления. Бун тоже пополз вперед – но внезапный толчок пришил его к полу, а вслед за толчком навалилась тьма. Такая же полная тьма, лишаящая сил, какую он уже пережил в тот миг, когда ковчег Мартина покидал Нью-Йорк.

Глава 6

Инид + Бун

Свет вернулся вновь – перемигивание огоньков на панели и слабое солнечное сияние с экранчика наружного наблюдения. Бун приподнялся на колени, попытался встать в рост, но больно стукнулся головой о потолок.

– В этих малых машинах тесновато, – произнесла Инид легко и непринужденно, будто поспешное бегство ее нисколько не взволновало. – Тут надо ходить на четвереньках...

– Где мы?

– Трудно сказать. Мне было некогда устанавливать координаты в пространстве или во времени. Я просто скомандовала «старт».

– Это был изрядный риск, не так ли?

– Риск был. Но вы предпочли бы, чтоб я замешкалась и позволила тому страшилищу раздавить времялет?

– Разумеется, нет. Я и не думал критиковать вас.

– Разберемся по приборам, – сказала Инид, склоняясь над панелью. – Тут есть счетчик времени. Что касается нашего положения в пространстве, тут я ничего определенного узнать не смогу.

– И что показывает ваш счетчик?

– Считая от точки старта, мы передвинулись в прошлое более чем на пятьдесят тысяч лет. Если точно, на пятьдесят четыре тысячи сто.

– За пятьдесят тысяч лет до Рождества Христова?

– Именно, – подтвердила она. – Вокруг открытая местность. Равнина. Вдалеке холмы. Какие-то странные холмы...

Бун прополз вперед, втиснулся рядом с Инид и взгляделся в пейзаж на носовом экране. Равнина, покрытая скудной травой, убегала к лысым невысоким холмам. В отдалении просматривались пятнышки, похожие на пасущихся стадных животных.

– По-моему, Америка, – сказал он. – Прерии Среднего Запада. По всей вероятности, юго-западная часть нынешних Соединенных Штатов. Откуда я это знаю? Право, не могу объяснить, просто чувствую. В мое время здесь образовалась пустыня, но за пятьдесят тысяч лет до того вполне могли быть хорошие луга и пастбища...

– А люди?

– Людей здесь, видимо, нет. Считается, что люди пришли на этот континент за сорок тысяч лет до моего времени. Не раньше. Хотя ученые, конечно, могут и ошибаться. Так или иначе, это Америка ледникового периода. К северу отсюда должны быть ледники.

– Тогда здесь относительно безопасно. Ни кровожадных дикарей, ни прожорливых хищников...

– Хищники есть, но и добычи у них вдоволь. Они нас не потревожат. Вы представляете себе, где все остальные?

Она пожала плечами.

– Была такая минута, когда каждый сам за себя.

– А Тимоти? Он же заявил, что не тронется с места...

– И все-таки он, по-моему, улетел вместе со всеми. Только ваш друг Коркоран замешкался, стал препираться, хотел выяснить, что с вами. Но Дэвид схватил его и втолкнул во вторую малую машину. Оба времялета снялись раньше нас.

– А вы дождались меня.

– Не могла же я бросить вас на растерзание этому монстру!

– Как вы думаете, этот самый монстр и разрушил базу в Афинах?

– Не исключено. Точнее не скажешь. Выходит, вам знакомо это место, где мы сейчас?

– Если это действительно юго-западная часть Штатов, я здесь бывал. Раза два проводил здесь отпуск. Очень похоже на те самые места, если только на Земле нет других районов с такими же холмами. Но я никогда не встречал ничего подобного в других частях света.

– Еда и все прочее, что Хорасу заблагорассудилось швырнуть в наш времялет, должны быть где-то ближе к корме. Он загрузил припасы во все три ковчега, но очень спешил и, боюсь, не уделял должного внимания тому, что именно грузит. Кажется, то ружье, которое Дэвид привез для Тимоти из Нью-Йорка, попало как раз в нашу машину.

– Вы хотите выйти наружу?

– Думаю, рано или поздно придется. Тут слишком тесно. Надо выйти, размять ноги, слегка оглядеться и посоображать не спеша, что делать дальше.

– У вас есть хоть какая-то идея, что делать дальше?

– Ни малейшего проблеска. Однако и выследить нас в таком местечке, как это, будет нелегко, если вообще возможно.

Пробравшись в кормовую часть времялета, Бун нашел ружье, рюкзак, связку одеял и еще с десятков узлов и пакетов, сваленных вслепую. Он кое-как собрал их все в кучу, а Инид тем временем открыла люк.

На пороге Бун задержался и осмотрел ружье. Один патрон был в патроннике, в обойме еще пять. И можно было надеяться, что в одном из пакетов найдутся запасные боеприпасы.

– Задержитесь на секунду, – бросил он Инид. – Дайте мне выяснить, что вокруг...

Спрыгнув на землю, он стремительно выпрямился, ружье взял на изготовку. Ну что за чушь, упрекнул он себя, тут же никого и ничего нет. Если это юго-запад Северной Америки пятьдесят тысячелетий назад, тут одни стада травоядных да рыскающие хищники, и хищники эти заняты чем угодно, только не тем, что лежат в засаде в ожидании, не забредет ли сюда случайно заблудившийся во времени человек, – к тому же человек для них не слишком лакомая добыча...

Разумеется, вокруг никого и ничего не было. Земля была необитаемой, если не считать отдаленных пятнышек, которые он приметил раньше и признал за стадо на выпасе.

Времялет лежал у подножия крутого холма, одного из разбросанных там и сям по равнине. Чуть ниже середины склона приютилась рощица тощих деревьев, скорее всего можжевеловых. За исключением этой рощицы и отдельных клочков травы, склон был совершенно голым. Однообразную его наготу нарушали лишь редкие выросты окаменевшего песчаника.

Инид подошла поближе и молча встала рядом.

– Мы здесь полные хозяева, – произнес Бун. – Времялет не ошибся. Мало того что выбрал пустынную территорию, еще и в ней определил для посадки самый глухой уголок, какой только мог найти.

– Времялет ни при чем, – возразила она. – Это получилось по чистой случайности.

Солнце прошло уже полпути к закату – Бун решил, что оно стоит на западе, хоть и сам не мог бы сказать почему.

В вышине плыла одинокая птица, не шевеля крыльями, дрейфуя на тепловых потоках. Стервятник, подумалось Буну, высматривает, чем поживиться. Вблизи и вдали торчали небольшие валуны. Из-за недалекого валуна показалось что-то ползучее и устремилось извиваясь прочь от людей.

– Вот кого надо остерегаться, – заметил Бун.

– Змей? Как они называются?

– Это гремучка. Гремучая змея.

– Никогда о таких не слышала. Мое знакомство со змеями вообще ограничено. Кажется, я видела змей всего-то раз или два в жизни.

– Некоторые змеи опасны. Не обязательно смертельно опасны, но ядовиты.

– А гремучие змеи?

– Укус их опасен, иногда смертелен. Но они, как правило, предупреждают о нападении, гремя трещоткой на хвосте.

– Вы спрашивали, что нам делать. Я ответила, что у меня нет никаких идей. А у вас?

– Для идей еще слишком рано, – ответил Бун. – Мы едва-едва приземлились. Вашими усилиями у нас появился запас времени. Давайте используем его наилучшим образом.

– Вы хотите остаться здесь?

– Ненадолго. Здесь нас ничто не держит, просто нечему держать. Но здесь можно передохнуть, собраться с мыслями и все спланировать. А пока давайте чуть-чуть осмотримся...

С этими словами Бун тронулся вдоль подножия холма. Инид семенила рядом, стараясь не отставать.

– Что вы ищете?

– В сущности, ничего. Хочу познакомиться с рельефом, получить представление о том, где мы очутились и чего ждать. Может статься, где-нибудь на склоне обнаружится родник. Склоны сложены из песчаника. Песчаник хорошо впитывает воду, она просачивается вниз. А если наткнется на менее пористую породу, вытекает наружу.

– Вам известны поразительные вещи...

– Просто опыт жизни в лесу. Он дает знания о том, как что устроено в природе.

– Вы дикарь, Бун.

Он хмыкнул:

– Конечно, дикарь. А чего вы от меня ждали?

– Иные люди остались дикарями вплоть до нашей поры. Но дикарями, не похожими на вас. Мы потеряли контакт с тем, что вы именуете природой. Да в наше время природы почти и не осталось. То есть дикой, нетронутой природы...

Склон впереди прерывался иззубренным обнажением песчаника. Едва они принялись огибать преграду, из-за нее выпрыгнул серый зверь, отбежал футов на пятьдесят и обернулся, разглядывая непрошенных гостей.

– Волк, – сказал Бун со смехом. – Точнее, гигантский койот – разновидность степных волков. Наше появление его порядком озадачило.

Волк вовсе не выглядел озадаченным. Он осторожно попятился бочком, смешно пританцовывая, потом, очевидно убедившись, что прямой угрозы нет, неспешно уселся, обвив лапы хвостом. Всмотревшись еще пристальнее, приподнял верхнюю губу, собирался зарычать, но передумал и позволил губе опуститься, прикрыв обнаженные было клыки.

– Где-нибудь поблизости есть и другие его сородичи, – сказал Бун. – Волки обычно не бродят поодиночке.

– Они опасны?

– Если достаточно проголодаются, то могут быть и опасны. Этот волк, по-моему, уже пообедал.

– Волки и гремучие змеи, – заметила Инид. – Не уверена, что мне здесь нравится...

Как только они обогнули выступ песчаника, Бун замер на полушаге так неожиданно, что Инид, следовавшая за ним по пятам, ткнулась ему в спину. Выступ изгибался вовнутрь, а затем вновь устремлялся наружу, образуя каменный карман. И там, вжавшись в карман, стоял уже не волк, а другой, еще более крупный зверь. Огромная черная, шерстистая голова с мощными, разнесенными не менее чем на шесть футов рогами была грозно опущена вниз. Густая борода, свисающая с нижней челюсти, волочилась по земле.

Бун, схватив Инид за руку, медленно попятился назад. Глаза зверя, словно обведенные красным ободком, свирепо сверкали из-под спутанной шерсти.

– Тихо, – предупредил Бун. – Никаких резких движений, иначе он может броситься на нас. Видимо, его донимают волки. Он стар и доведен до отчаяния. – Только отступив за край выпуклости перед карманом, Бун позволил себе остановиться. Отпустив руку женщины, поднял ружье к плечу и пояснил: – Это бизон. В Америке их называют степными быками.

– Какой же он огромный!

– Старый бык. Потянет на тонну, если не больше. Не то что бизоны двадцатого века. А может, это какой-то вымерший вид, например латифрон. Точно не знаю.

– Вы сказали, его донимают волки. Но где волкам с ним тягаться!

– Он стар и, вероятно, болен. Рано или поздно они его докопают. Терпения волкам не занимать. Неспроста он прижался к скале – стоит насмерть на последнем рубеже.

– Я заметила там вблизи пару волков. И еще одного выше по склону.

– Я же говорил вам – они охотятся стаями.

– Бедный бык, – сказала Инид. – Мы не можем как-то помочь ему?

– Самым добрым делом было бы пристрелить его, но на это я пока не способен. А вдруг ему еще выпадет шанс удрать? Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Видите птицу там наверху?

– Я ее заметила еще раньше. Парит кругами.

– Выжидает. Предчувствует, чем все кончится. Когда волки загрызут бизона, стервятнику тоже кое-что останется. Пойдемте дальше. Мы ведь собирались поискать воду...

Вскоре они и впрямь нашли крошечный ручеек, просачивающийся из-под пласта песчаника. Собственно, ручейка как такового не было, он сразу впитывался в пересохшую почву, напоминая о себе лишь нешироким влажным пятном. Бун с усилием выкопал ямку, где могла бы собираться вода. Потом они вернулись к времялету взять какую-нибудь посудину, которую можно было бы использовать как ведро. Нашли только скромную кастрюльку. Когда снова добрались до источника, воды в ямке набралось как раз на кастрюльку.

Тем временем Бун убедился, что определил положение солнца без ошибки. Солнце действительно было на западе и успело скатиться гораздо ближе к горизонту.

– В тех можжевельных зарослях найдутся дрова, – сказал он. – Нам понадобится костер.

– Если бы у нас был топор! – откликнулась Инид. – Я перебрала все, что Хорас напихал в нашу машину. Пища, одеяла, эта кастрюлька, сковородка, зажигалка – вот и все. Топора нет.

– Ничего, обойдемся, – утешил ее Бун.

Они дважды поднимались к зарослям и приволокли древесины больше, чем требовалось на ночь. Солнце уже свалилось за горизонт. Бун запалил костер, предоставив Инид рыться в рюкзаке, выбирая еду.

– По-моему, лучше всего остановиться на ветчине, – предложила она. – Тут есть и буханка хлеба. Как вам это покажется?

– На мой взгляд, замечательно, – поддержал Бун.

Сидя у костра, они жевали сандвичи с ветчиной, а вокруг сгущалась ночь. Где-то поблизости жалобно скулил волк, издали доносились и другие звуки, которые Бун был не в силах распознать. Тьма становилась все непрогляднее, высыпали звезды, и Бун принялся вглядываться в них, прикидывая, есть ли изменения в рисунке созвездий. Минуту-другую чудилось, что да, есть, однако он и в своем-то столетии не был знатоком звездного неба и не мог судить об этом с точностью. На земле, за пределами светового круга, тоже загорелись как бы слабые звездочки – парами, одна подле другой.

– Волки? – догадалась Инид.

– Очень похоже. Скорее всего, они никогда прежде не видели костра. И никогда не видели человека, да и запах его был им незнаком. Им любопытно, а может, и страшновато. Во всяком случае, они настороже. Будут наблюдать за нами исподтишка, на большее не осмелятся.

– Вы в этом уверены?

– Более или менее. Они уже нацелились на того бизона. Когда проголодаются, пойдут на него в атаку. Возможно, два-три из них погибнут, зато остальные насытятся до отвала. Сейчас они просто-напросто ждут, чтобы бизон еще немного ослабел, и уж тогда попробуют его добить.

– Но это ужасно! – воскликнула Инид. – Поедать друг друга...

– А мы чем лучше? Наша ветчина...

– Да знаю я! Знаю! И все-таки ветчина – это не совсем то же самое. Свиныю растили специально на убой.

– А по существу, никакой разницы: одни существа лишаются жизни, чтобы другие жили.

– По существу, – заявила она, – никто из нас еще не достиг подлинной цивилизованности. Меня, признаться, занимает другое. Когда вы там, в Гопкинс-Акре, высвободились из куста шиповника и бросились сломя голову к времялету, а страшилище за вами по пятам, я ожидала, что вы вот-вот исчезнете...

– Исчезну? Как – исчезну? С чего вдруг?

– Вспомните, вы же сами нам рассказывали. Что вы можете в миг опасности взять и ступить за угол.

– Ах вот что! Наверное, страшилище не представляло особой опасности. Вы дожидались меня, люк был открыт. По-видимому, моя способность ступить за угол проявляется лишь как последнее средство к спасению.

– И еще одно. В Нью-Йорке вы ступили за угол, прихватив с собой Коркорана, и очутились в ковчеге Мартина. А куда вы попадали в предыдущих случаях?

– Странная вещь, – ответил он, – но я толком не помню. По всей вероятности, в тех случаях я проводил за углом, где бы это ни было, самый короткий срок. Спустя мгновение я возвращался обратно в свой привычный мир.

– Как хотите, но это не могло длиться всего мгновение. Вам надо было побыть там достаточно долго, чтоб опасность миновала.

– Да, конечно, вы правы, но я как-то не пробовал выяснять это даже для себя. Наверное, просто избегал смотреть фактам в лицо. Правда, черт ее побери, казалась слишком неправдоподобной. Однажды, помнится, я сказал себе, что дело в каком-то сдвиге во времени, но не посмел довести мысль до конца. Испугался.

– Но где же вы все-таки были? У вас должны были сохраниться хоть какие-то впечатления!

– Каждый раз все казалось ужасно расплывчатым, я словно окунался в густой туман. В тумане были какие-то предметы, но я их четко не видел. Ощущал, что там что-то есть, и замирал от страха. Но почему это вас интересует?

– Время – вот что меня интересует. Мне пришло в голову, что вы могли передвигаться во времени.

– Не испытываю уверенности, что дело обстоит именно так. Я лишь подумал однажды, что это не исключается. Это было бы простейшим объяснением явления, иначе совершенно непостижимого. А мы всегда ищем самых легких, простых ответов. Даже когда самый легкий ответ все равно невозможно понять.

– Вот мы умеем путешествовать во времени, – сказала она, – но я убеждена, что никто из нас по-настоящему не понимает, как это происходит. Мы стащили аппаратуру у бесконечников, и все. Кража стала нашим ответным ударом, у нас не было другого способа бежать от них. Давно, задолго до знакомства с бесконечниками, человечество овладело сверхдальними путешествиями в пространстве. Допускаю интерес к нам. Я даже задавала себе вопрос, не связаны ли межзвездные полеты на скорости, многократно превышающей скорость света,

с использованием базовых элементов теории времени. Ведь известно, что пространство и время как-то взаимосвязаны, хоть я никогда не могла этого до конца постичь, что именно наши дальние путешествия привлекли внимание бесконечников, пробудили у них интерес к нам. Я даже задавала себе вопрос, не связаны ли межзвездные полеты на скорости, многократно превышающей скорость света, с использованием базовых элементов теории времени. Ведь известно, что пространство и время как-то взаимосвязаны, хоть я никогда не могла этого до конца постичь.

– Значит, вы заимствовали технику путешествий во времени у бесконечников. И вы еще называете себя дикарями. Да какие же вы дикари! Уж если кто-то способен не только заимствовать такую идею, но и запрячь ее в работу...

– Там, в будущем, остались другие, кто наверняка сумел бы использовать путешествия во времени лучше нашего. Только они не проявили к тому никакой охоты. Машины, даже самые хитроумные, какие нужны для путешествий во времени, их теперь не волнуют. Они перешли на иной, высший, уровень...

– На уровень упадка – вот куда они перешли, – выпалил Бун. – Они отказались от своей человечности.

– А что такое человечность? – спросила она.

– Вы мне не поверите. Но вы здесь со мной, а не там, за миллион лет в будущем.

– Прекрасно понимаю. И тем не менее, как может кто бы то ни было знать точный ответ? Разумеется, Хорас всегда уверен в собственной правоте, но Хорас – фарисей. Эмма также уверена в правоте Хораса, но с ее стороны это слепое, глупое поклонение мужу. А вот про Дэвида не могу сказать ничего определенного. Дэвид – шалопай, ему, по-моему, просто наплевать на других...

– А по-моему, нет, – возразил Бун. – Когда доходит до кризиса, ему вовсе не наплевать.

– Есть так много целей, которых человечество могло бы достичь, – продолжала Инид. – Оно могло бы сделать еще очень, очень многое. И вдруг, если историки не врут, люди потеряли интерес к чему бы то ни было. Неужели в наше сознание встроен врожденный тормозной механизм, принуждающий нас замедлить ход? Думаю об этом, думаю – и ни до чего не додумываюсь. Хожу и хожу кругами. Таково уж мое проклятие – ум не в силах успокоиться, пока не переберет все-все возможности, пока не уяснит все тонкости вопроса.

– Ну-ка сбавьте обороты, – сказал Бун. – Вы никак не решите все загадки мироздания за один вечер. Вам надо поспать. Ступайте во времялет, а я останусь здесь и буду поддерживать огонь.

– Не бойтесь, что вас растерзают волки?

– Я сплю неглубоко. Буду регулярно вставать и подбрасывать дрова. Пока горит костер, волки предпочтут держаться в отдалении.

– Лучше я тоже останусь здесь, рядом с вами. Так мне будет спокойнее.

– Вам решать. Но во времялете безопаснее.

– Я там задохнусь. Пойду принесу одеяла. Вы ведь тоже не откажетесь от одеяла, не так ли?

Он кивнул:

– Ночью может похолодать...

Взошла луна. Огромная, желтая, будто распухшая, она плыла вверх над нагими холмами, которые стали теперь пепельно-серыми. Земля казалась вымершей – ни шевеления, ни шороха. Даже любопытствующие волки куда-то пропали – за световым кругом больше не было горящих глаз. Потом Бун заметил в лунном сиянии тихо скользящую тень и понял: нет, они не ушли, а как бы растворились в ночи, сделались бесплотными. На него повеяло пустотой и одиночеством.

Вернулась Инид, протянула ему одеяло и осведомилась:

– Одного довольно?

– Вполне. Я наброшу одеяло на плечи.

– Вы что, собираетесь спать сидя?

– Мне не привыкать. Это помогает не терять бдительности. Если задремлешь, клоннешь носом и сразу проснешься.

– Никогда не слышала ничего более нелепого, – заявила она. – Вы все-таки удивительный тип.

Бун ответил ей смешком. Через полчаса, когда он встал подбросить дров в огонь, она уже крепко спала, завернувшись в одеяло с головой. Поддержав костер, он снова уселся, натянул одеяло на плечи и, укутавшись поплотнее, положил ружье на колени.

Когда он очнулся в следующий раз, луна стояла высоко в небе. Пламя костра чуть поникло, но топлива пока хватало. Он позволил голове упасть на грудь и почти задремал опять, как вдруг, резко придя в себя, увидел: по ту сторону костра тоже кто-то сидит. На сидящем было какое-то смутно видимое одеяние и нечто наподобие конической шляпы, съехавшей вперед и полностью закрывшей лицо. Бун не шелохнулся. Сознание еще не прояснилось со сна, и, чуть приоткрыв глаза, глядя на нежданного посетителя сквозь ресницы, он поневоле недоумевал: действительно там кто-то сидит или это пустая, навеянная сном галлюцинация? Тот другой также не шевелился. Может, это волк, деформированный сном в сидящего человека? Ну уж нет, сказал себе Бун. Волк, по-дружески расположившийся у костра, – чепуха, это не волк.

Страхнув летаргию, Бун с трудом поднялся. При первом же его движении видение за костром исчезло. Вот видишь, сказал он себе, там и не было никого, просто-напросто ночной мираж... Переворошив угли подвернувшимся под руку поленом, он сгреб в кучу все, что не догорело, подбавил еще дров и, завернувшись в одеяло, снова задремал.

Наконец он очнулся еще раз, теперь постепенно, как пробуждался бы в собственной постели, однако в подсознании по мере пробуждения нарастал и сигнал опасности. Сигнал заставил его напрячься, он чуточку приоткрыл глаза – прямо перед ним, почти нос к носу, сидел волк. Довольно было приподнять веки повыше, и волчьи глаза, желтые, зловещие, уставились на него в упор не мигая.

Мозг, переполошившись, вызвал к каким-то немедленным действиям, но Бун усилием воли удержал тело в повиновении. Не было сомнения: сделай он любое резкое движение, и тяжелые волчьи челюсти снесут ему пол-лица.

Волк, со своей стороны, приподнял верхнюю губу, предупредомя о рычании, но не зарычал, а позволил губе опуститься. За исключением этого волк оставался недвижим.

Невероятно, но Бун чувствовал безумное желание расхохотаться. Ну не абсурдно ли: задолго до начала истории, в центре небытия, волк и человек сидят недвижно нос к носу. Абсурд разрешился тем, что человек прошептал, едва шевеля губами: «Здорово, щен!» При звуке голоса волк немного отполз не вставая, но расстояние между ним и человеком увеличилось на какой-нибудь фут, не более.

Только тут Бун заметил, что костер почти погас. Внутренний будильник подвел своего хозяина, и он проспал.

Волк опять дернул губой, намереваясь зарычать, и опять передумал. Уши, до того прижатые к голове, вдруг выставились вперед, как у любопытного пса. Захотелось протянуть руку и потрепать этого, видимо, дружелюбного зверя по холке. Здравый смысл подавил неуместный импульс. Волк, не отрывая зада от земли, отполз еще немного назад.

Поодаль, за костром, собрались и другие волки, напрягнув уши и неотступно следя за происходящим.

Через минуту волк неторопливо встал и попятился. Бун остался сидеть. Пальцы сомкнулись на прикладе ружья, хоть он сразу понял: стрелять уже нет нужды, инцидент

исчерпан. Оба, и человек и волк, проявили должное хладнокровие, и опасность миновала, а может, ее и не было. Более чем вероятно, что волк и не собирался причинить человеку зло. Просто костер потух, и волк подобрался поближе, обуреваемый чисто собачьим любопытством: что за новый зверь ни с того ни с сего объявился в его охотничьих угодьях и на что этот зверь, собственно, похож?

Поначалу волк отступал чуть боком, медленно и осмотрительно. Потом совершенно непочтительно повернулся к Буну задом и поскакал длинными прыжками к своим собратьям.

Сбросив с себя одеяло, Бун встал. Костер, как выяснилось, все-таки не совсем догорел. Под верхним слоем золы тлел крошечный огонек. Как только Бун подложил сухих можжевельных веточек, пламя вспыхнуло вновь, и стало возможно добавить настоящего топлива. Когда он возродил костер и огляделся, волков и след простыл.

Покопавшись в рюкзаке, Бун обнаружил пакет овсяных хлопьев. Воды в кастрюльке еще хватало, так что оставалось лишь отлить сколько надо, засыпать хлопья, найти ложку и хорошенько перемешать. Когда Инид проснулась и села в своем одеяле, Бун, присев у костра, был поглощен приготовлением завтрака. Небо на востоке начало светлеть, в воздухе была разлита прохлада.

Подойдя к костру, Инид присела рядом. Согревая руки, вытянула их над огнем и осведомилась:

– Что там у вас в кастрюльке?

– Овсянка. Надеюсь, вы ее любите.

– В общем, да. Только, боюсь, у нас нет ни сахара, ни молока. О чем, о чем, а об этом Хорас не позаботился.

– Там есть остаток ветчины. Да и что-нибудь еще найдется. Когда мне попала овсянка, я уже не искал ничего другого.

– Как-нибудь проглочу. По крайней мере, овсянка теплая.

Когда каша сварилась, они дружно вычистили кастрюльку до дна, хоть Инид догадалась верно: ни сахара, ни молока среди припасов не оказалось. После завтрака Бун предложил:

– Пойду к ручейку вымою посуду. Заодно принесу еще воды.

– А я тем временем упакую вещи и перенесу обратно во времялет. Незачем им валяться здесь как попало.

– Хотите, оставлю вам ружье?

Она скорчила гримаску.

– Я же не умею с ним обращаться. Да и сомнительно, чтоб меня здесь подстерегла какая-либо опасность.

Он согласился, хоть и не без колебаний:

– Вероятно, так. Если вдруг что-нибудь, прыгайте во времялет и закройтесь.

У источника он встретил двух волков, увлеченно лакающих из выкопанной им ямки. Вежливо отступив, волки позволили Буну наполнить кастрюльки водой и вымыть посуду. Но когда он на обратном пути обернулся, они уже вновь подобрались к ямке и лакали так же сосредоточенно.

Инид по-прежнему сидела у костра и, приветствуя его возвращение, помахала рукой. Подойдя поближе, он задал вопрос:

– Появилась у вас хоть какая-нибудь идея, что предпринять?

Она помотала головой:

– Даже не думала об этом. Если б я могла догадаться, куда улетели остальные, можно бы присоединиться к ним. Но они, наверное, поступили точно как мы – стартовали в мгновение ока и куда попало, лишь бы унести ноги...

– Если неизвестно, куда лететь, значит, в нашем распоряжении уйма времени. Сдается мне, нет большого смысла сниматься отсюда, пока не появится какой-то определенный план.

– Рано или поздно Генри сумеет взять наш след. Сейчас он, как я понимаю, в одной из двух других машин.

– «Рано или поздно», – откликнулся Бун, – это звучит, пожалуй, как «очень долго». А мне что-то не хочется провести остаток моих дней на континенте, где, кроме нас, нет ни одного человека. Уверен, вам тоже не хочется. Можно бы поискать местечко, которое придется нам больше по вкусу.

– Действительно можно, – согласилась она. – Но не сейчас, позже. Если мы оставили след, который можно заметить, неразумно обрывать его. Останемся пока здесь и будем надеяться, что Генри сумеет нас найти.

Он сел на противоположной от нее стороне костра и проговорил:

– В общем-то, легко представить себе места и похуже. Здесь нам, по крайней мере, ничто не угрожает. Хотя, боюсь, спустя какой-то срок нам здесь порядком наскучит. Равнины да холмы, птицы в небе, а на земле волки да бизон собственной персоной. И никаких событий.

– У нас кончится еда, – встревожилась она.

– Еды здесь сколько угодно. Бизоны и другие животные, годные в пищу. – Он похлопал по прикладу ружья. – Пока оно не откажет, прокормимся. А когда кончится последний патрон, сделаем себе копья, а может, луки и стрелы.

– До этого не дойдет, – заверила она. – Мы снимемся отсюда гораздо раньше.

Потянувшись к кучке веток, он выбрал три-четыре нетолстых и, подбросив в огонь, заметил:

– Придется еще раз сходить за дровишками. А то скоро иссякнут.

– Давайте сегодня заготовим их целую гору, – отозвалась Инид. – Не лазать же, в самом деле, наверх в ту рощицу каждый день...

Низкий рев, раздавшийся где-то невдалеке, заставил их обоих вскочить. Рев оборвался, потом повторился, перейдя в низкое мычание.

– Это бык, – догадался Бун. – С ним что-то неладно.

Инид вздрогнула.

– Наверное, волки решились напасть.

– Пойду погляжу, – сказал Бун и сделал несколько шагов.

Инид засеменила рядом.

– Нет, – осадил он ее. – Вы останетесь здесь. Я не знаю, что там...

Размашистым шагом Бун дошел до уступа песчаника, обогнул его и заглянул в каменный карман, где укрылся бизон. Тот, казалось, отступил еще дальше, совершенно вжавшись крестцом в крутую скалу. Вокруг танцевали полдюжины волков, то нападая мелкими скачками, то крутясь на одном месте и отпрыгивая, чтоб избежать рогов. Бизон гневно ревел, но в гневе уже как бы сквозило отчаяние. Голова склонилась к самой земле, рев вырывался короткими хриплыми вскриками. При этом бык мотал головой из стороны в сторону, чтобы держать рога наготове против волчьей атаки. Вместе с головой из стороны в сторону ходила и борода, подметая землю. Бока дрожали крупной дрожью, и было яснее ясного, что держаться в безвыходном положении, отгоняя волков, ему осталось недолго.

Бун поднял ружье – и все-таки, прежде чем прижать к плечу, помедлил еще немного. Бизон повел головой и уставился на человека, красные его глазки посверкивали из-под спутанной шерсти. Бун подумал и опустил ружье.

– Нет, старик, еще не сейчас, – произнес Бун. – Не сейчас! Когда они совсем приблизятся, ты успеешь уложить одного или двух. Уж в этом-то я не вправе тебе отказать.

Бизон не сводил глаз с человека. Рев притих до чуть слышного мычания. А волки, потревоженные вторжением Буна, отошли назад.

Тогда Бун, в свою очередь, попятился – а волки, как и бизон, не сводили с него глаз. Я здесь самозванец, сказал он себе. Я – неожиданный и неучтенный фактор, вторгшийся в местную среду. Мне не отведено здесь никакой роли, не дано мне и права на вмешательство. В течение бессчетных столетий старые бизоны, утратившие с годами силу и прыть, становились волчьей добычей. Волки в этой эпохе – дипломированные хищники, состарившиеся бизоны – заведомые их жертвы. Такова логика жизни, так повелось, и не нужен волкам судья на ринге, чтобы вынести приговор...

– Бун!!!

При крике Инид Бун стремительно обернулся и стремглав обежал уступ. Она стояла у костра и показывала куда-то вверх по склону холма. Оттуда, быстро спускаясь вниз и направляясь прямо к их бивуаку, спускалось неправдоподобное страшилище, выжившее их из Гопкинс-Акра. Паутина поблескивала на утреннем солнце. Поверх паутины сиял огромный блестящий глаз, а из-под паутины выныривал какой-то темнеющий механизм.

Бун понял сразу и наверняка, что не успевает выйти на рубеж эффективного огня. Остановить монстра не было вообще никаких шансов.

– Бегите! – заорал он. – Во времялет! Немедленно!

– Послушайте, Бун...

– Спасайте времялет! – прокричал он. – Спасайте времялет!

Она бегом метнулась к машине, прыжком одолела входной люк. А монстр уже почти настиг ее, до времялета ему оставалось немногим меньше ста ярдов.

Бун, едва не рыдая, поднял ружье. В глаз, мелькнула мысль, целясь в этот огромный, круглый, сверкающий глаз! Может, и не лучший способ расправиться с монстром, но единственный пришедший на ум. Палец напрягся на спусковом крючке, но едва Бун начал прижимать спуск, времялет исчез. Пространство, где только что стояла машина, опустело.

Не дождав спусковой крючок, он отвел ружье вниз. Монстр пронесся по пустому месту, где только что стоял времялет, и круто повернул к Буну. Прямо на него воззрился огромный глаз, вознесенный над паутиной, сама паутина нестерпимо сверкала на солнце, а вот механизм неожиданно втянулся внутрь и скрылся в переплетении нитей.

– Ладно, – произнес Бун. – Сейчас я тобой займусь...

У него было шесть патронов, и, прежде чем монстр приблизится, он наверняка успеет сделать четыре выстрела. Сначала в глаз, потом по паутине...

Однако монстр и не думал приближаться, а застыл как вкопанный. И в то же время Бун не сомневался, что противник знает о его существовании. Просто физически ощущалось, что страшилище прекрасно видит его.

И тем не менее... Он ждал минуту, две, а оно ни с места. Оно заметило его, оно, несомненно, опознало в нем человека, и ни с места. Неужто, мелькнула мысль, оно способно отличить его от тех, за кем надо охотиться? А почему бы и нет: если это робот-преследователь, а по всем признакам именно так, его могли узко запрограммировать на строго определенные цели. Но с учетом всех фактов такое предположение не слишком вероятно. Логичнее допустить, что робот включил бы в число целей любого человека, связанного с беглецами из будущего.

Бун сделал шаг вперед и опять выждал. Страшилище не шелохнулось. Уж не решило ли оно поиграть с ним в кошки-мышки и теперь дожидается, чтобы он придвинулся достаточно близко и можно было достать его одним броском, не дав ему ни секунды на защиту?

Тут он вспомнил, что подходить к костру ему, в сущности, незачем. У костра не осталось ничего полезного, разве что кастрюлька. Еще когда он отлучался к родничку, Инид

снесла снаряжение обратно во времялет – пищу, одеяла, рюкзак и вообще все их небогатые пожитки. Ему остались только ружье да патроны, что были в обойме.

Едва он осознал это обстоятельство, на него навалилось ужасное чувство наготы и незащищенности: воистину теперь он предоставлен самому себе. Допустим даже, что Инид постарается вернуться и выручить его – но сумеет ли, вот вопрос. Ему же просто невдомек, каковы возможности времялета и легко ли им управлять, и тем более – искусна ли Инид в технике управления...

Наконец страшилище тронулось с места, но вовсе не в сторону Буна. Медленно и как-то нерешительно оно двинулось на равнину, словно в неуверенности, что предпринять. А может, спросил себя Бун, оно в тревоге? Ведь оно провалило свое задание, это вне всякого сомнения. Провалило дважды – в Гопкинс-Акре, а теперь и здесь.

Миновав костер, монстр уходил все дальше в глубь равнины, превращаясь в мерцающее пятнышко, в искру отраженного солнечного света на фоне тусклых однообразных просторов и серо-коричневых холмов.

Опасливо поглядывая на это пятнышко, Бун все же рискнул подойти к костру и подбросить топлива. Хочешь не хочешь, а чуть позже придется вскарабкаться на склон и принести из можжевелевой рощицы еще дров. Конечно, можно бы разбить новый лагерь и даже приискать более удобную стоянку, но негоже уходить слишком далеко. Когда Инид вернется – если вернется, – то именно сюда. Времялет может вновь возникнуть из небытия в любую секунду, и надо поджидать здесь, именно здесь.

Став на колени подле костра, он положил ружье наземь и принялся шарить по карманам, инвентаризируя свое имущество. Достал носовой платок, расстелил тряпицу на земле и аккуратно выложил на нее все обнаруженное в других карманах. Зажигалка, трубка, початая пачка табаку, складной нож, с которым он не расставался много лет по смутно сентиментальным причинам, тоненькая записная книжка, шариковая ручка, огрызок карандаша, пригоршня монет, бумажник с оплаченными и неоплаченными счетами, кредитными карточками и водительским удостоверением – вот и все. Обычно он таскал с собой гораздо больше барахла, но в «Эверест» с Коркораном отправился как на грех налегке, сложив серьезный груз в верхний ящик ночного столика у постели. Однако, к счастью, два предмета первой необходимости оказались под рукой: зажигалка, которой надо теперь пользоваться как можно реже, и нож. Скверный дешевенький нож – и все-таки нож, режущий инструмент.

Разложив все обратно по карманам, он встал, бережно счистил с брюк налипшую пыль.

И заметил, что страшилище изменило направление движения. Описав круг, оно теперь двигалось обратно к Буну. Он поднял ружье, втайне надеясь, что до выстрела не дойдет. Патронов было всего шесть, и ни один нельзя израсходовать попусту. Но куда, скажите на милость, целиться, чтоб уложить робота одной пулей?

Из-за уступа песчаника, закрывавшего скальный карман, где укрылся бизон, время от времени слышался рев. Скорее всего, волки наседали на бедного быка снова.

Это же нереально, подумал Бун, совершенно нереально! Даже если принять, что все происходит на самом деле, поверить в это на сто процентов, как хотите, затруднительно. Ну еще минута, две – и дурман испарится, он очутится в привычном мире среди друзей, и не останется даже намек на робота-убийцу, на изготовившегося к бою бизона или на волка, что рискнул присесть нос к носу с человеком у затухающего костра.

А монстр подбирался все ближе и двигался точно на Буна. Монстр был крупнее, чем представлялось прежде, и еще неправдоподобнее, чем казалось. Монстр вроде бы не спешил. А рев, доносящийся из-за уступа, вдруг стал громоподобным, исполненным ярости и подлинного отчаяния.

Бун переступил с ноги на ногу, приняв надежную стойку. Приподнял ружье, однако прилаживать его к плечу по-прежнему воздержался. Я готов, сказал он себе, готов к любому повороту событий. Сначала в огромный глаз, а затем, если потребуется, в центр паутины...

Неожиданно в поле зрения ворвался бык, выскочивший из-за уступа бешеным галопом. Ни рева, ни мычания больше не слышалось. Бизон высоко поднял голову, солнце играло на широко расставленных рогах. Волки скакали следом, не пытаясь прижать добычу, выжидая подходящей минуты. Они понимали, что жертва не уйдет, – здесь, на открытом пространстве, можно напасть сразу со всех сторон и свалить любую добычу, даже бизона.

Однако бизон вдруг изменил направление, и рога опустились к земле. Монстр попробовал уклониться, но запоздал. Удар тяжелой туши пришелся по низу паутины и поднял монстра в воздух. Смертоносный поворот головы, и страшилище опустилось прямо на подставленный рог. Попыталось извернуться, но бизон тут же повел головой в другую сторону. Рог освободился, зато второй рог подхватил противника на лету. Блестящий глаз рассыпался на осколки, паутина провисла и свернулась в кокон. Страшилище пало наземь, и бык промчался по нему с разгона, дробя копытами на еще более мелкие части и частицы.

Потом бизон, споткнувшись, упал на колени. С огромным трудом опять поднялся и замотал головой, возобновляя яростный рев. Поверженный монстр валялся на земле грудой хлама. Массивная рогатая голова крутилась из стороны в сторону – бык хотел, не сходя с места, разглядеть своих мучителей. А волки, отпрянувшие в момент столкновения со страшилищем, не торопились нападать снова, а выжидательно присели, вывалив языки набок и слегка пританцовывая в предвкушении победы. Было что предвкушать: бизон ослаб, весь сотрясаясь от крупной дрожи и с минуты на минуту, вне всякого сомнения, должен был рухнуть окончательно. Вот подогнулась одна из задних ног, бизон почти упал, но нет – поднатужился, напряг силы и остался стоять.

Тогда Бун поднял ружье, прицелился в сердце и нажал на спуск. Туша грохнулась оземь с такой силой, что даже подпрыгнула. Дослав в патронник новый патрон, Бун обратился к мертвому бизону:

– Один выстрел, старина, я был обязан тебе пожертвовать. Теперь они, по крайней мере, не сожрут тебя заживо...

Волки, напуганные грохотом, бросились врассыпную. Ничего, сказал себе Бун, не пройдет и часа – осмелеют и подберутся снова, а ночью у них будет пир горой, и совсем неподалеку от моего костра...

Он не торопясь подошел к монстру, отпихивая лежащие на пути обломки. Былая конструкция превратилась в такую путаницу, что, сколько ни вглядывайся, не восстановишь в памяти, какой она была прежде. Сокрушительный удар бизоньей туши, резкие выпады рогов, увесистые тычки копыт разнесли робота вдребезги. Там и сям валялись искореженные куски металла, возможно, остатки устрашающих рабочих придатков.

И вдруг робот обратился к Буну – слова проникали прямо в мозг:

«Прошу милосердия!..»

– Пошел ты к черту! – ответил Бун раньше, чем от удивления потерял дар речи.

«Не бросайте меня здесь, – умолял монстр. – Где угодно, только не в этой дикой глуши. Я всего-навсего выполнял задание. Я же обыкновенный робот. По природе своей я ни капельки не зол...»

Бун повернулся и, волоча ноги, поплелся назад к костру. Он внезапно почувствовал себя опустошенным. Напряжение оборвалось, и он сразу обессилел. Как же это возможно, что страшилище, уничтоженное, возвало к нему из бездн небытия? Постояв немного у костра в нерешительности, он полез на склон к можжевельной роще. Сделал три ходки, приволокнув целую гору веток. Разломал их на куски подходящей длины, сложил аккуратной полен-

ницей. А уж потом, и только потом, опустился наземь у огня и позволил себе погрузиться в невеселые размышления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.